

ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ Ратсхоф

Евгений Рудашевский

Почтовая станция Ратсхоф

Евгений Рудашевский
Лабиринт мертвеца

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-311.3-93
ББК 84(2Рос=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Лабиринт мертвеца / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид",
2023 — (Почтовая станция Ратсхоф)

ISBN 978-5-00083-891-4

Девятиклассница Оля Гончарова помогает родителям, держащим в Калининграде магазин почтовых открыток, и активно занимается посткроссингом. Международный обмен открытками кажется делом безобидным, но всё меняется, когда за неделю до осенних каникул в почтовый ящик Гончаровых случайно попадает антикварная карточка. Оля предлагает друзьям – Насте, Гаммеру и Глебу – создать собственный детективный отдел, чтобы разгадать тайну неизвестного отправителя. Начатое ими шутовское расследование, больше похожее на библиотечный квест, быстро становится серьёзным и уводит в полное опасностей путешествие. Герои попадают в настоящий «лабиринт мертвеца», и чем ближе разгадка, тем чаще Оля задаётся вопросом, так ли уж случайно карточка, отмеченная маркой с египетским стервятником, угодила именно к ней. Евгений Рудашевский с присущей ему любовью к историческим и бытовым деталям не только филигранно вывел сюжетные линии, но и увлекательно описал самые разные места Калининградской области. Среди таких мест особенно выделяется старинная вилла Калининградской областной детской библиотеки, в стенах которой разворачиваются многие события «Лабиринта мертвеца» – первой книги приключенческой дилогии «Почтовая станция Ратсхоф». Евгений Рудашевский – автор почти двух десятков книг и лауреат многих литературных премий. Его роман «Истукан» из цикла «Архив „Изиды“» стал победителем премии «Книга года – 2022», а его подростковые произведения отмечены премиями имени В.П. Крапивина и «Книгуру», входят в каталог выдающихся детских книг мира «Белые вороны» Мюнхенской международной детской библиотеки и переводятся на иностранные языки.

УДК 821.161.1-311.3-93

ББК 84(2Рос=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-891-4

© Рудашевский Е., 2023

© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвёртая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евгений Рудашевский

Почтовая станция Ратсхоф.

Книга 1. Лабиринт мертвеца

In angello cum libello

В наших горах, Ибрагим, скоро чудеса случатся. Клад будут искать здесь люди, большой клад, говорю тебе.

Иван Руж. Таинственное похищение

Мне самой вдруг иногда кажется, что я тоже птица. Вот так встану над обрывом, замашу руками, машу-машу, а это вроде уж и не руки, а крылья. Лёгкие, сильные! И мне ну ни чуточку не страшно обрыва.

Юрий Иванов. Сестра морского льва

Иллюстратор Ольга Неходова

© Рудашевский Е. В., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Пролог Египетский стервятник

Когда я родилась, люди в панике выбежали на улицу. Роды были тяжёлыми, но всех напугали, конечно, не мамыны крики. Я появилась на свет минута в минуту с подземными толчками, и папа назвал такое совпадение хорошим знаком, сказал, что землетрясение обещает мне жизнь, полную приключений. Возможно, папа был прав, но первого приключения я ждала почти шестнадцать лет и уж никак не думала, что оно начнётся посреди Родопских гор в Болгарии.

Этим летом два друга, Тодор и Христо, отправились туда на поиски египетского стервятника. Он многие века очищал леса Балканского полуострова от умерших зверьков, не позволял им распространять заразу. Болгары и турки называли его малым карталом, ак-бабаем, калиной-малиной, малым грифом – давали ему десятки теперь позабытых имён. В позапрошлом году орнитологи едва насчитали семьдесят пар прежде распространённого в Болгарии падальщика.

Христо надеялся увидеть его *и, если повезёт*, понаблюдать за ним вблизи. Гнёзда прятались на крутых склонах Кован Кая, подниматься туда запрещалось, но Христо и не хотел тревожить птенцов – повёл Тодора на другой хребет неподалёку.

Ещё до рассвета Тодор и Христо вышли из бывшего шахтёрского городка Маджарово. Несмотря на крутой подъём, они бодро шагали по туристической тропе. В утренних сумерках просматривались белые зонтики отцветавшего тысячелистника, а когда над отрогами вспыхнула заря, стали заметны и фиолетовые метёлки мышиного горошка. Тодор и Христо подмечали деревянные указатели и сверялись с навигатором. Тропа разветвлялась, выводила на грунтовую дорогу, потом расширялась и вела напрямик наверх. За последние двадцать лет археологи раскопали здесь немало фракийских святилищ, даже наткнулись на захоронение с золотыми веточками и таинственными украшениями из лошадиных зубов. Тодор предложил плюнуть на стервятников и отправиться к раскопкам, но Христо упрямо свернул с главной тропы на едва приметную тропку и повёл друга через колючие заросли к вершинам охраняемой природной территории «Момина скала».

Тодор шёл в новеньком походном костюме и посмеивался над Христо, одетым в обычные джинсы, а потом налетели слепни и прочая кровососущая дрянь, тропка истончилась, и Тодору

стало не до смеха. Плети шиповника царапались, цеплялись за штаны и ботинки. Тодор взмок в своём расчудесном костюме, обмахивал лицо кепкой и просил Христо помочь ему одолеть очередной овраг.

Тропка вывела на скальную площадку, затем пунктиром протянулась между базальтовыми глыбами и окончательно пропала. Тодор повременил бы с восхождением и отдохнул бы на площадке, где ветер разгонял слепней и нарождавшуюся жару, но Христо обнаружил выплывший – белый, как бельмо, – указатель и с такой прытью полез на валуны, словно где-то там скрывался холодильник с бесплатным лимонадом.

Чем выше поднимались Тодор и Христо, тем сложнее становился путь. Им навстречу опустился туман, а по лицам заморосил мелкий дождик. Колючие заросли вынуждали бродить в поисках каменной гряды – лезть по влажным уступам было проще, чем рваться напрямик через кустарник. Тодор вымотался. Когда же туман развеяло, он обернулся и замер. Перед ним простёрлась долина реки Арды с блестящими водами на крутом меандре и тёмными дубравами на пологих берегах. Когда-то здесь, внизу полыхала кальдера громадного вулкана. Карабкаясь по склонам «Моминой скалы», Тодор и Христо оказались на его западной кромке, а гнёзда египетского стервятника, разбросанные по Кован Кая, остались на противоположной восточной кромке. Между кромками, в центре давно потухшего вулкана ютились маджаровские домики и выпасы. Далеко на севере угадывались отвесные скалы с неразличимыми отсюда нишами – фракийцы называли их окнами, ведущими в потусторонние миры. На юге же, в каких-то сорока километрах, начиналась Греция, куда с Восточных Родоп стекали крупные и мелкие речки – они питали Эгейское море, как фракийские предания некогда питали греческие мифы и легенды.

Христо не дал Тодору насладиться видом, повёл его к ближайшей вершине. Тодор на ходу подмечал коровьи лепёшки, удивлялся проворности местной скотины, способной взобраться на вроде бы неприступные террасы, наконец выдохся. Пообещал вскоре нагнать друга, а сам притулился под валуном. Почему бы египетским стервятникам не навестить его тут?! Он подложил под голову рюкзачок с краюхой свежего хлеба, убедился, что Христо ушёл достаточно далеко, и задремал.

Проснувшись, Тодор наслаждался тенистым закутком, следил за беспокойной овсянкой, облачённой в жёлтый комбинезон, полосатый чёрно-белый плащ и чёрный шлём – просто-таки пернатый супергерой! Она готовилась вскоре перебраться из Болгарии на восток Африки или на север Индии, и Тодор по-своему завидовал птичке. Потянулся к смартфону, чтобы сфотографировать её, но сверху раздался крик, и овсянка улетела.

Тодор приподнялся на локтях. Вновь услышав крик, вскочил.

Кричал Христо.

Тодор без толку метался из стороны в сторону. Забыв усталость в расцарапанных руках, тщетно искал удобный подъём и стонал от собственной беспомощности. Вспомнил, как в Маджарове их с Христо предупредили о старых вентиляционных стволах. Рудник запечатали, а прикрыть наружные зевы стволов никто не догадался. Один неверный шаг – и ты летишь во тьму заброшенной шахты... Неужели... Тодор не сразу заметил, что друг спрыгнул к нему, целый и невредимый. Христо с ходу заговорил о какой-то невероятной находке. Отказался что-либо объяснять и показал Тодору, где проще вскарабкаться на высоченный валун.

– Ты должен сам увидеть! Это потрясает!

Тодор, сдержав проклятия, нехотя забрался на валун и поторопился вслед за Христо. Окрепший ветер поднял из низины голоса людей и гудки машин. Тодор потерялся в круговерти столь неуместных здесь звуков, но продолжал идти. Порывался расспросить друга, но Христо всё время опережал его на несколько шагов, даже не оборачивался, и Тодору рисовались сокровища фракийцев, угасшие капища древних племён, затем он представил, что Христо устроил весь шум из-за какой-нибудь застрявшей в скалах коровы, или провала вентиля-

ционного ствола, или тайника местных пастухов. Тодор разозлился, но рассудил, что Христо мог наткнуться на одинокое гнездо египетского стервятника. Вот уж действительно была бы ценная находка! Тодор из последних сил ускорился, не зная, ругать или восхвалять Христо, а потом увидел, что друг указывает на опрокинутую сушину. Её ветки прикрывали узкий вход в затемнённую пещеру.

Ни гнезда, ни капища. Ни завалищей коровы.

– Пещера? – выдохнул Тодор. – Серьёзно?!

Христо скользнул под сухие ветки, включил на смартфоне фонарик и поманил друга за собой. Тодор, ворча, зашагал следом и вскоре притих – понял, что Христо прав: его находка стоила того, чтобы карабкаться на вершину «Моминой скалы». Снаружи обычная, похожая на другие виденные Тодором балканские и родопские пещеры, внутри пещера Христо оказалась неправдоподобно странной, по-своему фантасмагоричной.

Вход в пещеру тянулся узким коридором, обе стены которого были до половины высоты выложены коричневым кафелем – будто Тодор и Христо очутились в одной из софийских кофеен, куда забегали после занятий в университете. На сводчатом потолке и верхней половине стен белела штукатурка, местами отсыревшая, но в целом гладкая, нанесённая совсем недавно. Под ногами стелился пол, покрытый серым и чёрным кафелем в шахматном порядке. Тодор коснулся стены, словно не верил своим глазам и боялся, что рука пройдёт сквозь пелену иллюзии. Нет, плитка была настоящей. Он гадал, кому взбрело в голову заниматься отделочными работами под вершиной «Моминой скалы», а когда Христо обернулся и при свете фонарика позвал идти дальше, понял, что кафелем чудеса не ограничатся.

Коридор вывел в тёмное помещение. Тодор и Христо высветили низкий потолок, закруглённые стены, неизменную шахматную плитку пола и... два металлических стеллажа с книгами.

– Невероятно, – одними губами прошептал Тодор.

– Я же говорил!

Тодор, заворожённый, осмотрелся и убедился, что Христо отыскал чью-то потайную библиотеку. Нелепую, абсурдную, порождённую больной фантазией и всё же полноценную библиотеку на три или четыре сотни книг! Ни дверей, ни лестниц. Ни выключателей, ни светильников. Не пещера, а какой-то бункер, защищённый от солнца и дождя!

– Неудивительно, что тут так душно, – прошептал Тодор.

Они с Христо двигались и говорили тихо, словно боялись разозлить невидимого библиотекаря. В тишине слышали, как над естественной крышей библиотеки завывает ветер.

– Смотри. – Христо направил фонарик себе под ноги.

Пол в центре был выложен мелкой плиткой с чёрнобелыми узорами и буквами. Тодор опустился на колени в надежде отыскать надпись, объяснявшую происхождение библиотеки, и увидел, что узоры сплетаются в довольно схематичную карту мира. Надписи лишь указывали на отдельные страны, горы и реки, среди которых встречались совсем незнакомые Тодору названия вроде Зурбагана, Патюзана, Чандапура или Бату-Кринга. Запутавшись в них, он перешёл к стеллажам.

На стеллаже слева стояли книги на разных языках. Тут, расставленные без видимого порядка, встречались немецкие, французские, русские, болгарские томики. Попадались даже японские. Ну, или корейские – трудно сказать. Тодор и Христо наугад выхватывали их и наскоро пролистывали. Внутри не нашли ни закладок, ни пометок. Ницше, Ньютон, Мор, Мур. Сразу два Мура: Томас и Джордж! Платон на греческом и Омар Хайям на английском. Из знакомых книг Тодор обнаружил «Оцеолу, вождя семинолов» британца Майн Рида и «Таинственное похищение» болгарина Ивана Ружа.

На стеллаже справа книг стояло меньше. Их корешки были одинаковой толщины, а надписи на корешках – однотипные, выполненные в схожей манере. «Змеи Исландии», «Кошки

Шпицбергена», «Пресные озёра Мальты», «Свобода слова в России», «Религия Фридриха Великого». Христо подцепил «Кошек Шпицбергена» и отскочил, едва не сбив Тодора.

– Ты... – возмутился было Тодор, но осёкся – увидел, что из упавшей книги просыпался серый песок. Порох какой-то или измельчённый уголь.

Тодор и Христо вскоре убедились, что на стеллаже справа стоят только пластиковые муляжи – в таких домохозяйки прячут деньги или драгоценности, рассчитывая, что воры не приметят их среди настоящих книг. Это объяснило внешнее сходство корешков, однако не помогло разобраться, зачем владелец библиотеки наполнил муляжи песком и зачем вообще устроил подобную бутафорию под вершиной «Моминой скалы».

Тодору и Христо в тот день не довелось наблюдать за египетским стервятником. Они пробыли в пещере до вечера и на обратном пути в Маджарово, взбудораженные находкой, даже не вспомнили об изначальной цели своего похода. Возвратившись на отмеченную указателями тропу, обменялись самыми невероятными предположениями, но разгадать тайну горной библиотеки не сумели. И, конечно, не догадались, какую роль она сыграет в судьбе русской девятиклассницы Оли, жившей на другом краю Европы, в бывшем немецком Кёнигсберге, теперь известном как Калининград, то есть в моей судьбе.

С похода Тодора и Христо началось моё первое приключение – это правда. Но тогда, в августе, я отдыхала с родителями на Виштынецком озере и ни о чём не подозревала. В сентябре я спокойно училась, гуляла с друзьями. В октябре помогала родителям в их магазинчике, сидела в библиотеке и ездила на дачу. В общем, занималась самыми обычными делами. Всё изменилось, когда за неделю до осенних каникул в почтовый ящик нашего дома в Безымянном переулке упал конверт с маркой, на которой был изображён египетский стервятник, или, как его называли в Болгарии, «египетският лешояд».

Глава первая «Я таджик»

В начале семнадцатого века в Кёнигсберге закоптили полукилометровую колбасу Сотня мясников пронесли её по городу потом положили на составной полукилометровый стол и принялись дружно распиливать ножовками. Вот это я понимаю – праздник! Сидя на подоконнике, я рассматривала рисунки Николауса фон Книллинга, изобразившего и ту колбасу, и довольных горожан, и сопровождавших колбасную процессию музыкантов. Мама оставила меня на кассе, но покупатели сегодня заходили редко, и я выбирала тему для новых открыток. Почему бы не напечатать рисунки фон Книллинга – туристам понравится!

В пандемию школа перешла на пятидневку, и по субботам я частенько сидела в торговом зале. Подоконники здесь глубоко вдавались в оконные ниши. Покрытые матрасиками, подушками, они заменяли посетителям обычные диванчики. Это мама придумала. Тут каждый постарался и что-то придумал для нашей «Почтовой станции Ратсхоф». Мама выбрала пузатые витрины-холодильники и придвинутые к подоконникам столики. Дедушка Валя взгромоздил на кованую подставку радиоприёмник «Камри» со старомодными ручками, и покупатели сами выбирали нужную волну. Я уговорила родителей застелить пол безворсовыми ковриками-килимами, а папа привёз из Беларуси деревянный стол для наших с мамой мастер-классов. Ну и название магазину, конечно, выбрал папа. Магазины открыток в России как только не называли! Вот хорошенькая «Лунная станция» и «Сумка почтальона». Вот «Почтовый переулок» и чудесный «Марк Штемпель». «Чары волчары» тоже звучали неплохо для тех, кто играл в «Таверну „Красный дракон”» и знал о *чарах волчары* не понаслышке. Да, названий было много, но «Почтовая станция Ратсхоф» мне нравилась больше всего.

Вообще, папа раньше преподавал историю в калининградском университете, а потом увлёкся открытками. С тех пор помогал коллекционерам, находил недостающие карточки, реставрировал повреждённые экземпляры и готовил их к продаже. Музеи, театры и архитектурные бюро нанимали папу консультантом, если хотели выяснить, как изначально выглядела вилла, или платье, или что-то ещё историческое, чьё описание затерялось в архивах. Папа находил нужную коллекцию у знакомого филокартиста, а в ней – нужную фотографическую открытку, приводившую заказчиков в восторг: они наконец могли доподлинно восстановить

фасад, нарисовать декорацию или точно описать у себя в книге какую-нибудь давно переименованную и застроенную современными зданиями улочку.

Не ограничившись научной работой, папа открыл почтовую станцию, где теперь продавал новенькие карточки и выставял на обозрение старенькие – наиболее редкие из тех, что на время попадали в его руки. Покупателям особенно нравились видовые открытки Кёнигсберга и открытки Билибина вроде той, где он нарисовал село Подужемье Кемского уезда с такими игрушечными и в то же время суровыми северными домиками.

Возле выставочной стены я повесила мудборд, и покупателям он нравился ничуть не меньше! На днях я вложила в пластиковый кармашек на мудборде саморекламную открытку начала двадцатого века – визитку, напечатанную в виде полноценного открытого письма, которое автор при знакомстве вручал дамам или... даже не знаю, с кем он там знакомился и на кого хотел произвести впечатление. На карточке красовался паренёк с растрёпанной бородой, некий Карл Теннисон. О себе он скромно сообщал: «Я финн по происхождению, буддийского вероисповедания, могу творить различные чудеса. Могу пробыть 40 дней и ночей без пищи и притом быть весёлым и жизнерадостным. Могу бегать 12 часов подряд без отдыха, т. е. 200 вёрст в день. Могу проглотить столовую ложку живых холерных бактерий без всякого вреда для себя. Признаю себя безусловно бессмертным и буду жить бесконечное время на этой земле». Всё! Больше ни слова. Исчерпывающая характеристика для первого знакомства. Ну разве не прелесть?

– Огонь! – воскликнула Настя, когда я вчера показала ей открытку Теннисона.

– Хочешь себе такого?

– Спрашиваешь! Где ещё найти парня, который ложками ест холерные бактерии?!

– И, отметь, без вреда для здоровья!

Покупателям холерный Теннисон тоже приглянулся, и они уже купили с десяток репродукций его открытого письма. У нас продавались копии всех коллекционных карточек. Репродукций не было только у открыток, висевших за кофемашиной. Постороннего человека они бы, собственно, и не заинтересовали. Ещё до моего рождения папа с мамой отправляли их себе из семейных поездок в Москву, Гданьск и другие города. Я хорошо знала каждую путевую открытку родителей, лишь одна была мне совершенно незнакома – фотографическая карточка с полуразрушенным особняком на фоне лысоватых гор. Папа купил её много лет назад, но говорить о ней почему-то не любил. Маленькой я придумала немало историй об этом особняке, населяла его то контрабандистами, то привидениями, а сейчас перестала обращать на него внимание.

Открытки окружали меня с детства. Иногда папа выкупал особенно крупную коллекцию и ставил коробки с альбомами в моей комнате. Я ночами перелистывала их, бережно доставала самые необычные, подписанные и отправленные век назад карточки. Неудивительно, что в конце концов я увлеклась посткроссингом – зарегистрировалась на официальном сайте и начала обмениваться открытками с незнакомыми мне людьми. В моей посткроссерской коллекции за два года набралось больше двухсот карточек, половина из которых пришла из Германии и США. Вот и сегодня утром я достала из почтового ящика сразу три новенькие открытки.

Посткроссеры писали друг другу обо всём на свете. Однажды одинокая канадская старушка в самых невероятных деталях описала мне свои любимые медицинские процедуры! Это было смешно и в то же время грустно. А девочка из Индонезии как-то взялась объяснить мне, каковы на вкус обычные апельсины, уверенная, что у нас в холодной России апельсинов нет. Правда, открытку она почему-то выбрала с изображением авокадо. Сегодня живописать мне эхокардиографию или «сладкие солнечные фрукты» никто не догадался. Первая открытка оказалась рекламной, из турецкого отеля и со старательно выписанным афоризмом: «Если хочешь оставить соседа без штанов, просто скажи ему, что это нужно для всеобщего блага». Подобные изречения приходили частенько. Вторая открытка была более интересной – фотографической,

с усыпанным осенней листвой Центральным парком в Нью-Йорке и надписью: «Привет, Оля! На завтрак я съела ванильный йогурт с мюсли и выпила мятный чай. Я беспокоюсь об окружающей среде и о том, что творится в Афганистане».

Незнакомцы делились со мной кусочками своей жизни, писали что-нибудь ободряющее, если я вдруг загрустила, заболела и не поленилась указать это в профиле. Приятно было осознавать, что на планете хватает добрых и очень даже симпатичных людей. Уверена: вспыхни где-нибудь война, посткроссеры в открытках утешат и тех, на кого напали, и тех, кто против воли стал соучастником нападения, а Паоло, основатель движения, никогда не заблокирует страны, чьих президентов или королей уличат в коварстве и жестокости. Нет, я не идеализировала, посткроссеры попадались разные, но в целом не сомневалась, что всё будет именно так.

Третья сегодняшняя открытка пришла в конверте, из России. Возле обычной марки с российским цветочным виноградом на конверте расположились две сувенирные марки: с египетским стервятником из Болгарии и с Орфеем из Греции. Орфей был порван на два неравных кусочка и бережно собран воедино. Уж не знаю, нарочно отправитель его порвал или случайно. Чудаки на почте впопыхах погасили все три марки, не разбирая, где тут декор, а где знак оплаты. Сама открытка оказалась фотографической, с видом каменистого речного пляжа – репринт одной из открыток Красного Креста, популярных в начале прошлого века. Репринт замечательный, будто бы состаренный: желтизна картона смотрелась естественно, как и выцветшие краски изображения. Стоит ли удивляться, что отправитель для сохранности спрятал карточку в конверт? Сообщение он написал самое обычное, про любовь к библиотекам и старым зданиям, напоминавшим ему о детстве, а вместо имени указал: «Я таджик», – что довольно забавно. Впрочем, за два года я повидала немало странностей. Да и разве плохо, если посткроссер гордится собственным происхождением? Таджик, узбек, казах – пожалуйста! Но в хуррее, то есть в сообщении о том, что открытка дошла до адресата, мне хотелось назвать человека по имени. Не писать же ему: «Здравствуйте, таджик!»

Конверты я недолюбливала. Пусть бы открытка пришла помятая, с заломленными уголками, с пятнами влаги. Главное, чтобы чувствовался весь пройденный ею путь. И штемпели с марками, и мой адрес должны красоваться на открытке! И хорошо бы отправитель написал адрес от руки, а не распечатал с сайта. Но это, конечно, придирки. К тому же с конвертами бывало весело. В них приходили всякие маленькие радости: пакетики чая, автобусные билетки, монетки. Одна женщина из Тамбовской области попросила отправлять ей цветные ниточки, так посткроссеры со всего мира завалили её пучками пряжи, и она связала шарф, который отдала в детский дом. Да, посткроссинг объединял. И я действительно радовалась любой открытке, даже в конверте.

После завтрака я застряла в торговом зале – занялась поиском темы для новых открыток. Помимо гигантской кёнигсбергской колбасы отобрала Короля-Оленя с беловолосыми великанами-ульмиганами из прусского фольклора и о трёх полученных карточках не вспоминала. Когда в почтовую станцию забрёл покупатель, я спрыгнула на пол и поторопилась к кассе. Покупатель присмотрел себе на книжной вертушке томики Кёстера и Минаковой. Я написала об этом папе. Он всегда радовался, если удавалось продать какие-то из дорогих краеведческих книг. В ответ папа прислал мне гифку с ликующим миньоном. Я сама научила его отвечать гифками.

К полудню заглянула ещё парочка покупателей, а потом меня сменила мама, и я быстро перекусила на кухне. Пришло время зарегистрировать полученные утром карточки. Когда я вводила на сайте идентификационный номер открытки, адрес её отправителя тут же выпадал другому посткроссеру. Так работала система – всё честно: получишь не больше, чем отправишь. Регистрировать открытки рекомендовалось сразу, как только вынешь их из ящика, но я любила писать обстоятельные хурреи и никогда не торопилась – откладывала открытки на кухонный стол и после обеда писала отправителям что-нибудь приятное.

Иногда хурреи приходили пустые: ни спасибо, ни до свидания, – а иногда превращались в полноценное письмо. На прошлой неделе Фабиан из Австрии получил от меня билибинскую репродукцию и написал, что влюбился в изображённое на ней село Подужемье и с радостью там побывает, если оно до сих пор существует. Я, кстати, не знала, существует ли. Следом Фабиан добавил: «Утром мне ввели первую дозу вакцины против COVID-19. Вторую дозу получу через три недели. Рука уже болит, и меня предупредили, что завтра я почувствую себя уставшим. Атмосфера в центре вакцинации была позитивная. На самом деле в очереди я слушал рок-музыку, которая там играла: Бобби Дарин пел „Splish Splash“, Чак Берри пел „Johnny B Goode“, а „Холлис“ пели „Long Cool Woman in a Black Dress“ – и мне было хорошо». Чудесный хуррей! Обычно я старалась написать нечто подобное, но порой просто не хватало ни времени, ни сил.

Первые две карточки я нашла там, где их оставила, – на кухонном столе, а вот конверт с третьей открыткой пропал. Я сбежала обратно в торговый зал и перевернула подушки на подоконнике. Вышла на улицу и заглянула в почтовый ящик. Ничего. Вернулась на кухню – заметила в раковине папину кружку с кофейной гущей и помчалась по лестнице наверх, в папин кабинет на чердаке. Открытка действительно оказалась у него. Он сидел в стареньком кресле у единственного на чердаке окошка и рассматривал изображённый на открытке каменистый пляж.

Папа изредка брал мои карточки, считал их забавными. Вот в прошлом году мне пришла открытка с фотографией финской сборной, праздновавшей победу на чемпионате мира по хоккею. Марка на ней была соответствующая: финский хоккеист каким-то невероятным броском из-за ворот забивает гол сборной России, и шайба ещё не упала на лёд и хорошо видна за спиной нашего вратаря. На оборотной стороне было написано: «Привет из Тампере, Финляндия! Марка посвящена голу Микаэля Гранлунда, и это самый красивый гол в истории чемпионатов мира. Тогда, 13 мая, мы победили Россию! 3:0! Мы во второй раз в истории взяли золотые медали. И больше мне сказать нечего». Открытка привела папу в восторг. Он говорил, что подписанные и отправленные карточки – лаконичные, а потому наилучшие свидетели эпохи. Ту открытку с хоккеистами он показал чуть ли не всем друзьям. Кажется, сейчас нашёл что-то забавное и в моей новой открытке.

Я прошла в кабинет и села на подлокотник. Папа сказал, что изначально заинтересовался самим конвертом с портретом Майн Рида, своего любимого детского писателя. Конверт вышел в серии «Деятели мировой культуры», а там вся серия была с портретами. За Майн Ридом – молоденьким, с тоненькой бородкой и завитыми усами – виднелся воинственный индеец на неосёдланной лошади. Индеец держал в поднятой руке ружьё и призывно смотрел назад, на кого-то скрытого за головой писателя. Папа открыл конверт, рассчитывая и на открытке увидеть Майн Рида, однако обнаружил нечто куда более интересное. Я молча следила, как он бережно сгибает карточку, как ведёт по лицевой стороне пальцем.

– Ты думаешь... – начала я, не веря собственной догадке.

– Ну?

– Она настоящая?

Папа кивнул:

– Почти уверен.

– То есть это не репродукция?

– Думаю, это оригинал. И ему не меньше века.

– Но...

– Да! И сохранность прекрасная. Ни один уголок не помят.

– Но зачем? Зачем кому-то отправлять мне старинную открытку? Она ведь дорогушая!

– Была *дорогушей*, пока твой «таджик» не испортил её надписью. Хотя чернила можно свести.

– Ну уж нет! – Я возмутилась и забрала открытку у папы. – Пусть будет такой. С историей!

– Тебе решать, – рассмеялся папа.

Я пересела с подлокотника на пол и уставилась на открытку так, будто увидела её впервые, а папа занялся своими делами. Мы просидели в тишине минут тридцать, и я чуть голову не сломала, гадая, кто отправил мне коллекционную карточку! На открытке подсказок не нашла. Захотела скорее зарегистрировать её, чтобы увидеть профиль отправителя. Может, он всем рассылал подобные сокровища? Получил в наследство от какого-нибудь прадедушки собрание открыток и не догадался об их ценности? Или в посткроссинге завелись щедрые богачи?

Я смотрела на марку с парящим в облаках египетским стервятником и пощипывала себя ногтями за губу. Поняла, что не успокоюсь, пока не выясню, действительно ли открытка оригинальная, ведь папа не был в этом полностью уверен. Карточку могли нарочно состарить для красоты. В итоге папа пообещал мне передать открытку в научно-исследовательскую лабораторию, куда отправлял наиболее ценные открытки – те, чьи возраст, тип печати или сохранность требовали документального подтверждения. На радостях я расцеловала папу и весь день ходила счастливая. Осталось дожидаться ответа из лаборатории.

Глава вторая

Загадка трёх штемпелей

В Великобритании до сих пор встречались почтовые отделения, вот уже сто и даже двести лет принадлежащие какой-нибудь местной семье. Наследники одной фамилии из поколения в поколение принимали и отправляли письма своих соседей и делали это официально, со всеми штемпелями. Жаль, у нас в России такое было невозможно. Я мечтала, чтобы «Ратсхоф» превратился в настоящую почтовую станцию. В нашем семейном отделении не продавалось бы никакой сгущёнки! Никаких сухарей, шоколадок, игрушек и расчудесных кредитов с «невероятно низкой процентной ставкой»! Только открытки, конверты, всякие там коробочки и прочая почтовая упаковка. Ну и чуть-чуть книжек с канцелярией. И мамины пирожные, куда же без них!

«Почтовая станция Ратсхоф» располагалась на первом этаже нашего дома, точнее в пристройке, которую дедушка сколотил ещё в семидесятых. Он подпортил общий вид доставшейся ему виллы, однако у нас в районе таких уродцев хватало, и я не очень-то расстраивалась. Вообще, наш дом появился в конце девятнадцатого века. Его возвели в югенд-стиле, тогда популярном в Кёнигсберге и других немецких городах. Югендстиль ориентировался на естественные природные линии, поэтому у нас почти не было выраженных углов, прямых коридоров, длинных прямоугольных стен – ничего, что упростило бы расстановку мебели, не вырезанной на заказ, а купленной в обычном магазине. Снаружи дом выглядел плавным, окатанным. Крыша волной растекалась по мансарде, где за полукруглым слуховым окном пряталась моя комната. А дедушкина пристройка... Ну, это был обычный сарай на четыре стены, четыре угла и с плоской крышей. Папа, посмеиваясь, называл дедушкино творение «наростом Калининграда на теле Кёнигсберга».

Наш дом легко представить тем, кто видел «Тайный орден» со спрятанным в лесу особняком. Главный герой сериала попал туда, когда выслеживал оборотня. Наш дом, конечно, был не такой большой, без шатровых куполов, без деревянных колонн на веранде, и вместо веранды у нас – открытый балкон на втором этаже, и окна у нас не поднимались на всю высоту стен... В общем, не самое удачное сравнение. Да и сериал, честно говоря, глупый, но Андрей Гаммер затащил меня к Насе и заставил посмотреть первый сезон. Гаммер затащил бы меня к себе, но его родители не любили гостей, да и подписка на «Нетфликс» была только у Наси.

В итоге мы провалялись перед телевизором весь день. Я честно вытерпела три серии, потом достала «Страну аистов» Храппы – читала, мельком поглядывала на экран и поддакивала Гаммеру, когда он восхищался чем-нибудь из увиденного. Настя уснула, её тоже не привлекли ни колдуны, ни големы. Да, там весь сериал был такой!

Колдуны организовали орден Синей Розы и вместо капюшонов натягивали на себя черепа животных, а в особняке жили оборотни, называвшие себя паладинами гендернонейтрального сообщества «Рыцари святого Христофора». Страшная муть, как сказала Настя. И всё же особняк оборотней напоминал наш дом в главном – его фасады покрывал шиндель, то есть деревянная чешуя, или, кому как нравится, деревянная кольчуга.

Стены нашей виллы были кирпичные. В моей комнате хорошо просматривалась их кладка – в местах под потолком, где отслоилась и частично осыпалась посеревшая штукатурка. Снаружи кирпич был усилен косыми балками, поверх балок крепились широкие планки, а вот уже к планкам прибивался шиндель – коротенькие дощечки, размером примерно с ладонь. И прибивался внахлёт плотными рядами, отчего дом казался покрытым чешуёй. Если бы не лысая пристройка, он стоял бы совсем сказочный и, наверное, чуть больше напоминал бы особняк из сериала.

Смотреть второй сезон мы с Настей отказались, и Гаммер обиделся, хотя Настя сказала ему, что сам он может приходить к ней и спокойно восхищаться своими рыцарями в одиночестве. Потом выяснилось, что Гаммер уже видел оба сезона с кем-то из друзей по театральному кружку, а с нами хотел лишь пересмотреть сериал. Да и обижаться по-настоящему Гаммер не умел, поэтому на следующий день ходил с нами как ни в чём не бывало и даже подарил мне «Охотников за сокровищами» Паттерсона – не оставлял попыток соблазнить меня *светлой стороной силы*. *Тёмной стороной* он называл заумные книги вроде дневников Болотова или краеведческих томиков из нашего магазина.

Паттерсон теперь валялся у меня под кроватью. Сейчас было не до него. Меня больше беспокоила старинная открытка. Папа отправил её в лабораторию, и я довольствовалась сделанными на смартфон фотографиями. Лежала на подоконнике в магазине, а когда в торговый зал набивались любители маминых пирожных, поднималась к себе в мансарду, увеличивала фотографии – изучала каждый сантиметр необычной карточки. Откладывала смартфон, бралась за опустевший конверт. Убедившись, что от меня не ускользнула ни одна деталь, позвонила Насте и с ходу перечислила ей все подмеченные странности. Во-первых, на открытке не было идентификационного номера, а значит, зарегистрировать её на сайте я не могла.

– Вообще, с новичками такое случается. Предположим, что мой отправитель – новичок, – сказала я, включив громкую связь, и легла на ковёр у своего письменного стола. – Не беда. Я кинула заявку на поиск номера. Обычно отвечают быстро.

– Угу, – отозвалась Настя.

Судя по звукам, она тоже была на громкой связи и стригла ногти.

– Во-вторых, – продолжила я, – на конверт наклеено три марки. Я тебе вчера говорила.

– Ага.

– И ладно, хоть три, хоть десять. Но! На каждой марке – своё гашение! И все штемпели отчётливые, видна каждая циферка, что само по себе почти чудо. И день у всех один, а индексы разные! Понимаешь?

– Нет.

– Вот и я! Так не бывает. Нельзя отправить открытку из трёх разных отделений. К тому же из трёх разных городов!

– Они из разных городов?

Кажется, Настю заинтересовала моя история, и она села поближе к телефону.

– Точнее, из двух городов и одного посёлка. Из Калининграда, Светлогорска и Заливина! – Я загибала пальцы, словно опасалась ошибиться в подсчётах. – Заливино – это недалеко от Полесска.

– Разве твой адрес мог выпасть кому-то из Калининграда?

– Нет! Но из Светлогорска – пожалуйста. Мне как-то из Черняховска пришла открытка.

– Ясно...

– Ничего не ясно! Сплошная путаница! И на обороте конверта ничего нет!

– А что там должно быть?

– Штемпель моего отделения...

Смартфон завибрировал. Перевернувшись на живот, я увидела, что звонит Гаммер, и подключила его к разговору. Не дала ему толком поздороваться – сразу заговорила об открытке. Гаммер выслушал меня молча, а когда я в общих чертах рассказала ему о таинственном отправителе, попросил зачитать послание с карточки.

— «Оля, — озвучила я по памяти, — надеюсь, у вас всё хорошо. Школьником я ходил в нашу областную детскую библиотеку, и книги защищали меня от тревог. Библиотека переехала в другой район, но я и сейчас люблю её старым зданием, когда проезжаю рядом на своём

дряхлом пыжике. Желаю и вам найти в книгах приют от любых невзгод. Удачи в поисках. Я таджик».

– *Я таджик?* – спросили Настя и Гаммер.

– Да...

– Это имя? – уточнил Гаммер.

– Это вместо подписи. Имя не указано. Как не указан город отправления и идентификационный номер.

– И больше ничего?

– Ещё издательский знак Красного Креста.

– А что на самой открытке?

– Чёрно-белая фотография пляжа. Какие-то холмы или горы, отвесные скалы, а под ними – река. На пляже стоят зонтики, лежат люди, а рядом пасутся коровы. Ничего особенного.

– А что за марки на конверте?

– Ну... Одна греческая. Чёрная, с лирой и Орфеем. Семьдесят пятого года, на четыре драхмы. Рыжебородый Орфей в тунике и с венком на голове смотрит в верхний угол – туда, где напечатан год выпуска марки. Думаешь, это важно?

– А *пыжик* — это «пежо»? – невпопад уточнила Настя.

– Наверное...

– А другие марки? – спросил Гаммер.

– Стервятник из Болгарии, «египетский лешояд». Две тысячи первого года, на двенадцать сотых болгарского лева и... Слушай, давай я скину, сам смотри.

Я скинула Гаммеру фотографии, и мы минут десять их обсуждали, а под конец Гаммер – он сам как-то немножко занимался посткроссингом – предположил, что «я таджик» нарочно купил штемпели разных почтовых отделений, чтобы для красоты гасить ими сувенирные марки.

– Вполне оригинально.

– Ну да, – согласилась я.

– Погасил сувенирные, а действующую марку оставил для почты. Ведь на винограде стоит штемпель Светлогорска? Всё сходится: «я таджик» оттуда. Если бы там стоял штемпель Калининграда, ещё были бы вопросы. А так...

– Между прочим, марка с виноградом – на сорок пять рублей! Это вдвое больше, чем нужно!

– Если «я таджик» рассылает дорожные антикварные открытки, лишние двадцать рублей за марку для него точно не проблема.

– Думаешь, это просто какой-нибудь чудик? Ну, богатый чудик...

– Скорее всего.

После слов Гаммера открытка перестала казаться мне такой уж загадочной. Настя куда-то запропастилась. В смартфоне было слышно, как в её комнате шумит очиститель воздуха. Мы с Гаммером поговорили про школу и обезумевшего математика, который теперь каждую неделю давал нам задания из прошлогоднего ОГЭ, а потом Гаммер позвал меня на Поплавок выгуливать мопсов его мамы. Они уже исхрюкались и от нетерпения срывали двери с петель. На пруд мне идти не захотелось. Там было чистенько и плавали лебеди, но мы с Гаммером договорились встретиться в парке «Тыщадвести», то есть в парке Победы. Я подождала, когда к телефону вернётся Настя, и позвала её гулять с нами.

В парке мы проторчали допоздна, затем отвели мопсов к Гаммеру домой и отправились за итальянским мороженым в «Европу». На углу Гаражной Настя купила нам с Гаммером по стакану какао – в «Круассане» продавали самое вкусное в Калининграде какао на фундучном молоке, и я окончательно забыла об открытке, а когда в первом часу ночи легла спать, мне на почту пришло извещение от «Посткроссинга». «К сожалению, предоставленной вами

информации недостаточно, чтобы определить идентификационный номер открытки, которую вы получили» и так далее – целое письмо с просьбой более детально описать открытку и убедиться, что она не пришла по прямому обмену или от отправителя с какого-нибудь другого, неофициального сайта. Таких сайтов было много, но я ими никогда не пользовалась!

Спала я плохо, думала о карточке с тремя марками и штемпелями. Под утро позвонила Гаммеру. Он, сонный, попробовал меня успокоить, но лишь раззадорил ещё больше. В школе на первом уроке я честно старалась слушать учителя, потом сдалась и весь день просидела в смартфоне, даже не вставала из-за парты на переменах. К счастью, в пандемию мы не переходили из кабинета в кабинет. Ну, только на информатику по-прежнему поднимались на третий этаж, но сегодня информатики не было, и я не отрывалась от стула, как бы Настя и другие девочки надо мной ни подшучивали.

Я вновь подала заявку на поиск отправителя и на сей раз подгрузила фотографию открытки. Затем не поленилась и зашла в профили всех посткроссеров из Таджикистана. Собственно, их там нашлось-то семь человек. За всё время они отправили чуть больше двухсот открыток, а значит, идентификационные номера им выпадали трёхзначные! Вот бы моя открытка действительно пришла из Таджикистана! В конце концов, это несправедливо: за два года посткроссинга самой редкой страной в моей коллекции была Мексика, откуда мне прислали открытку с пятизначным номером. Маленькие номера стали редкостью, всё-таки на сайте собралось восемьсот тысяч участников и они отправили почти шестьдесят миллионов карточек! Так вот, я написала личные сообщения всем посткроссерам Таджикистана. Глупо – ведь на конверте я нашла российские штемпели. «Я таджик» мог жить где угодно, хоть в Рыбачьем на Куршской косе. Подумав, я написала и всем посткроссерам Светлогорска. Их было столько же – семь человек. А в Заливине посткроссеров официально не числилось.

На уроке литературы я ещё опубликовала пост у себя на стене во «ВКонтакте» и продублировала его в трёх самых популярных посткроссерских группах – указала, что ищу таинственного отправителя, и приложила фотографию открытки. О том, что открытка антикварная, умолчала. Да и ответ из лаборатории никак не приходил.

Я извелась в ожидании. Делала всё, чтобы отвлечься. Писала заданное на дом сочинение по «Бедной Лизе» – вначале для себя, потом для Насти. Помогала бабушке Нинель разобрать чулан с куртками. Выслушивала жалобы Гаммера на физику, которая в девятом классе стала до того сложной, что он теперь не заглядывал в «Эпоху» и не находил времени посидеть на стримах Вандербрауна. И, конечно, я помогала родителям в магазине: после школы стояла на кассе, чистила кофемашину, а к вечеру поднималась в папин кабинет с распечатками заказов, оформленных на сайте нашего «Ратсхофа».

Чердачный этаж нашего дома был спроектирован довольно причудливо. На крохотной лестничной площадке красовались две двери – в мою мансарду и в папин кабинет, который мы называли нижним чердаком. Из кабинета можно было по деревянной лесенке вскарабкаться на открытый верхний чердак, расположенный прямо над моей мансардой и скорее похожий на огромные антресоли. Верхний чердак был заставлен коробками с дедушкиным старьем и всем, что за последние годы бабушка купила на распродажах и ликвидациях. Горы этого немислимого скарба нависали над кабинетом – грозили обрушиться с высоты трёх метров на папин рабочий стол, его кресло и кушетку. Там же, на верхнем чердаке, стояли ящики с новенькими открытками, краеведческими книгами, канцелярией, сувенирами и прочей мелочью для продажи.

Сегодня, притулившись между ящиками и постелив себе бамбуковый плед, я разложила по коробочкам заказанные у нас по интернету карточки и подписала две открытки для посткроссеров в Германию и Японию. Потом просто лежала на пледе и смотрела на серый скат высоченной крыши. Ждала, что ко мне придёт наша кошка, но Рагайна куда-то запропастилась. Вообще, она частенько сюда заглядывала.

По ночам, лёжа у себя в мансарде, я слышала, как Рагайна тут скребётся по углам или компостирует очередную картонку.

Заскучав, я открыла «Охотников за сокровищами». Прочитала не меньше трети и уснула. Чуть не проспала школу. Будильник охрип, пытаясь снизу докричаться до меня через потолок. Не позавтракав и толком не умывшись, я выскочила на улицу. Мама с балкона крикнула мне «Доброе утро» и тут же заговорила с подругой, высунувшейся в окно соседнего дома.

Я распахнула калитку, выудила из почтового ящика свеженькую посткроссерскую открытку и помчалась от Безымянного переулка до Лесопарковой улицы. На бегу покрутила карточку и расстроилась: самая обычная, без сувенирных марок и путаницы в штемпелях. Я словно ждала, что теперь буду получать только антикварные открытки от таинственных отправителей. Смешно! Открытка между тем пришла чудесная. Правда, оказалась потеряшкой – добиралась до меня из Беларуси больше трёх месяцев! На её лицевой стороне были дождливый город и девушка в жёлтых сапогах. Девушка держала прозрачный зонтик и смотрела в экран смартфона. «Привет! Я Регина, мне 21, живу и работаю в Минске. Сегодня подала документы в магистратуру. Почему-то переживаю, что не прочла одну бумагу, которую подписывала. Честно говоря, ужасное настроение. Словила грустишку. Надеюсь, у тебя всё в порядке!» И мне представилось, что Регина выглядит в точности как девушка с зонтиком на фотографии. Красивая, живая и немножко печальная.

– *Словила грустишку*, – прошептала я и рассмеялась, до того мило это прозвучало.

Звонок давно прозвенел. Я повесила куртку в гардеробе и понеслась к кабинету. Не удержалась и на первом же уроке придумала тёплый хуррей Регине, записала его в тетрадку. Остальные уроки просидела с «Охотниками» Паттерсона. Русскому и обществознанию не удавалось отвлечь меня от «я таджика», а Паттерсону удалось, хотя сюжет в «Охотниках» был совершенно нелепый. Всю книгу агенты ЦРУ искали сокровища и отбивались от вооружённых калашами украинских наёмников. Из воды выпрыгивали ниндзя-аквалангисты, кругом взрывались яхты, всплывали подводные лодки воротил чёрного рынка, а поблизости шныряли привлечённые запахом крови акулы. Всё как любит Гаммер!

Я дочитала книгу и сразу забыла, что там искали герои. То ли затонувшие галеоны Филиппа Третьего Испанского, то ли что-то ещё не менее... историческое. Ну и, конечно, не обошлось без батальных сцен: «Томми вырубил каратешными приёмами ещё троих – что ему, он своим ударом кирпичи разбивает. Бек подсекла громилу, который стоял рядом с ней, под щиколотки, и тот рухнул на пол. Падая, он зацепил последнего здоровяка, и тот грохнулся рядом». Или вот: «Шторм снесла раздвижную дверь и ворвалась в дом, вертя вокруг себя нунчаками». Ох уж эти нунчаки...

Мы с Настей учились в гумтехе, а Гаммер – в физмате, однако на переменах он забегал к нам и видел у меня книгу, а после второй большой перемены, когда у нас началась биология, написал в «Ватсапе»:

«Ну как?»

Настя заглянула ко мне в смартфон и, передразнивая Гаммера, прошептала:

– *Ну как?*

«Охотники» мне совершенно не понравились. Дело было не в нунчаках и воротилах чёрного рынка. Это ладно. Но Паттерсон меня обманул! Семьдесят глав, пять сотен страниц! Толстая, внушительная книга! А прочиталась за два присеста, потому что текста в ней – на повесть. Сплошные картинки. Всё происходило быстро, стремительно. Пих-пах! И все абзацы – на одно предложение! Ну хорошо, иногда на два. Чтобы читатель, бедолага, не устал.

Я не знала, как ответить Гаммеру. Не хотела его обижать. Но и обманывать не собиралась. В итоге вместо чего-нибудь уклончивого вроде «Поинтереснее обществознания» или «Будто мультимедиа посмотрела» я настрочила ему целое сообщение про не самый удачный перевод книги. Там в «Охотниках» были близнецы Бек и Бик. Они частенько ссорились, а потом мирились:

– А, ясно. Ну, извини.

– Ладно.

– Мы классные, правда?

– А то.

Это «мы классные» повторялось из главы в главу. Я вчера не поленилась и нашла в интернете оригинальный текст «Охотников» – убедилась, что на английском Бек и Бик говорили:

– *Oh. Sorry.*

– *That's okay.*

– *Are we cool?*

– *Totally.*

И конечно «*Are we cool?*» – никакое не «Мы классные, правда?». Тут и школьник справился бы! Последние две строчки переводились как:

– *Mur?*

– *Mur.*

И вот это буквоедство я расписала в ответ на коротенькое «Ну как?» от Гаммера. Настя присвистнула, когда прочитала моё сообщение, и пришлось ненадолго спрятать смартфон, потому что к нашей парте, раздосадованная, зашагала учительница.

«Зануда», – ответил Гаммер.

– Он прав, – прошептала Настя. – Страшная зануда! А теперь смотри: будет извиняться. Следом действительно пришло сообщение:

«Прости».

– Он из кожи вон лезет, чтобы тебе понравиться, а ты ему – про ошибки в переводе.

Кажется, я покраснела. Хотела сказать Насте что-нибудь дерзкое и смешное, как обычно говорила она сама, но только хохотнула.

После школы мы с Настей и Гаммером пошли гулять к зоопарку, и Гаммер всю дорогу рассуждал о приключениях. Говорил, что перевод переводом, а поиск сокровищ Паттерсон описал достоверно и приведённые им «Главные цели охотников за сокровищами» достойны самого детального изучения. Там был список из десяти пунктов. Бек, Бик и прочие герои Паттерсона собирались отыскать копи царя Соломона, сокровища тамплиеров, Янтарную комнату из Екатерининского дворца, утерянные яйца Фаберже и всё в таком духе. Я сказала, что про Янтарную комнату написал наш Юрий Иванов и как-то обошёлся без нунчаков.

– Дались тебе эти нунчаки! – не сдержалась Настя.

– Они слишком киношные!

– Зануда!

Гаммер заявил, что в мире полно кладоискателей. Вспомнил про безумного калининградского богача, якобы закопавшего сундук с золотом и опубликовавшего ворох подсказок, где его искать и как выкапывать. Подсказки месяца два гуляли по интернету и забылись – с пандемией стало не до сокровищ. Может, их никогда и не существовало. Гаммер припомнил ещё парочку подобных историй, а Настя вдруг сказала, что в прошлом году встречалась с десятиклассником, который с детства занимался карате и неплохо владел нунчаками – сбивал ими банки с головы младшего брата и выкладывал ролики в «Тикток». Я не сразу сообразила, о каком десятикласснике идёт речь, перепутала его с другим парнем Насти, учившимся в колледже и целыми днями пропадавшим на старых фортах. Потом Гаммер сказал, что ему пора выгуливать мопсов. Мы ещё погуляли с Настей вдвоём, а когда она убежала к подружкам из Сельмы, я осталась одна.

Возвращаться домой не хотелось, и я до вечера бродила по улочкам Ратсхофа. Так в Кёнигсберге назывался наш район. Мы жили на его северной окраине, немножко напоминавшей Амалиенау – самый богатый и в войну почти не пострадавший район города. Ратсхоф тоже уцелел, но сейчас от него сохранились только общая сетка улиц и несколько домиков вроде

нашего. Прочие дома из года в год перестраивались, сносились и возводились заново. Основная часть Ратсхофа располагалась южнее, ближе к реке Преголе, где до войны дымил немецкий «Штайнфурт», а после – советский «Вагоностроительный завод», и особенно оберегать там было нечего. Обычный район, где теперь прятались клуб «Вагонка» и четырнадцатая школа – как говорила Настя, «самая отбитая школа Калининграда». Не Балтрайон, конечно, но разгуливать там вечером я бы не рискнула. Да и днём тоже. А вот на севере Ратсхофа мне всегда было спокойно, и сейчас при свете фонарей я рассматривала по-осеннему стройные деревья, увешанные, будто гнёздами, кустиками омелы.

Ближе к десяти я добралась до почтовой станции. С запада, со стороны Юдиттена, донеслись вой и ругань собак. С востока, со стороны Амалиенау, им ответил разрозненный лай. По Безымянному переулку пробежалась собачья свадьба, и все собаки в ней были без привычных жёлтых бирок на ушах. Я подумала о бедняжке Рагайне, но решила, что она, если потребуется, устроит трёпку любой стае, и наконец вернулась домой.

Отправила большой хуррей Регине, три месяца назад словившей грустишку Увидела, что мне ответила одна посткроссерша из Светлогорска. Она призналась, что сама давно никому не подписывала открытки и про моего отправителя ничего не знала. Из Таджикистана вообще никто не откликнулся. Во «ВКонтакте» тоже было тихо. Мой пост в группах даже толком не полайкали. Если бы я написала, что карточка антикварная, вот тогда в комментариях поднялся бы шум. Но антикварная ли? Ответ из лаборатории не пришёл. Я так устала думать о «я таджике», что повалилась в кровать и сразу уснула.

Глава третья

Запахло приключениями

Прекрасный день! Во-первых, до адресата во Франции дошла моя открытка, отправленная первого октября, и у меня в профиле появился значок за «отправление открытки в Международный день почты». Мой первый значок в посткроссинге! Во-вторых, закончилась четверть. В-третьих, выяснилось, что в школу мы не вернёмся до декабря – после осенних каникул перейдём на двухнедельную удалёнку с «Зумом». Локдаун добрался до девярых и одиннадцатых классов! Остальные классы, не готовившиеся к экзаменам, и так с сентября сидели дома. Нет, я любила школу, но мне хотелось прыгать от одной только мысли, что я обустрою себе местечко на верхнем чердаке! Вайфай там ловил плохо, и папа протянул туда кабель. Я уже представляла, как буду во время уроков лежать на пледе с Рагайной, а на переменах спускаться в почтовую станцию и таскать из стеклянных банок мамино печенье.

В-четвёртых, я получила удивительную новость! Открытка «я таджика» оказалась настоящей! Не репринтом, не искусственно состаренной копией, а самым что ни на есть оригиналом! Я дважды прочитала письмо от папиного друга из научно-исследовательской лаборатории. Он написал про «изменения механической прочности бумаги», про «характерное изменение состава растительных волокон» и не менее характерный «распад синтетических полимеров материальной основы предоставленного экземпляра». Не сказать, что я во всём этом разобралась, но главное поняла: открытка антикварная. Установить её точный возраст не удалось, и я немножко расстроилась. Папа сказал, что для отдельной открытки, к тому же неизвестно где и как хранившейся, сделать это трудно, однако примерный возраст карточки пообещал вычислить самостоятельно.

Вечером мы с папой поднялись в его кабинет на нижнем чердаке. Я положила открытку обратной стороной вверх и заявила, что отпечатанный в углу красный крест указывает на издательство Общины святой Евгении. Во время очередной русско-турецкой войны сёстры милосердия спасали раненых солдат, а потом оказались никому не нужны. Им на помощь пришла принцесса Евгения Ольденбургская. Сёстры Красного Креста вошли в её общину и занялись благотворительностью, а для сбора денег придумали печатать и продавать открытки. Привлекли известных художников вроде Репина, Рериха, Врубеля и за двадцать лет, пока всё не смела революция, издали больше тридцати миллионов открытых писем, то есть открыток.

Я немало повидала их на папином рабочем столе, так что сразу отметила красный крест у «я таджика». Правда, оборотная сторона меня смутила, слишком уж она получилась простенькой: без привычных виньеточек, без надписи «В пользу Общины св. Евгении», без узорного прямоугольничка для марки. На моей открытке лишь значилось «Податель», а в заголовке стояло загадочное «БДЧК». Расшифровать аббревиатуру я не смогла, зато показала папе на вертикальную линию посередине. Слева от неё «я таджик» написал своё послание про любовь к детской библиотеке. Адресные строки справа, разумеется, пустовали.

– Судя по разделительной линии, открытку выпустили не раньше тысяча девятьсот четвёртого года, – сказала я папе.

Изначально на оборотной стороне открытых писем разрешалось писать только имя и адрес получателя. Само сообщение отправители втискивали в нарочно предусмотренное для этого пространство на лицевой стороне или выводили прямым на картинке. В четвёртом году это правило отменили, а в восьмом году сделали заголовок «Открытое письмо» необязательным. После всех прочитанных книг по филокартии я неплохо разбиралась в подобных нюансах, однако как быть с «я таджиком» дальше, не знала.

– Ну... вот, – промолвила я, намекая папе, что ему пора бы прийти мне на выручку.

Папа сказал, что я умница, и похвалил за отсылку к шестьдесят шестому циркуляру Главного управления почт и телеграфов. О каком таком циркуляре идёт речь, я не поняла, но схватила открытку и села с ней на пол под торшер. Папа повернулся ко мне, сел грудью к высокой спинке стула и сказал:

– Ты верно отметила, что её напечатали в издательстве при Красном Кресте, но ошиблась страной.

– Страной?! Но тут стоит «Податель»!

– А ещё стоит «БДЧК», то есть «Българско дружество Дървенъ Кръстъ» – «Общество болгарского Красного Креста». И, кстати, у нас «податель» не писали.

– Никогда не видела болгарских открыток.

– Ну, как минимум одну видела.

Выяснилось, что папа подразумевает карточку, висевшую среди других семейных карточек за кофемашиной в торговом зале, – ту, которую обычно не упоминал.

– Ты был в Болгарии? – спросила я.

– В детстве.

– И там купил открытку?

– Да.

Папа отвечал нехотя, и я решила к нему не приставать. У всех были тайны. Ну или не тайны, а неприятные воспоминания. Бабушка не любила говорить про своего погибшего брата, мама – про детство в Рязани, я – про тот случай на Рельсах, когда я чуть не свалилась в ручей, а папа не любил говорить про своего родного отца, сейчас жившего где-то на Украине, про одного вредного коллекционера, подавшего на папу в суд, и про болгарскую открытку с полуразрушенным особняком. Так или иначе, меня больше интересовала моя собственная болгарская открытка.

Папа сказал, что нижнюю возрастную границу я определила довольно точно. Запрет писать на оборотной стороне по всей Европе сняли примерно в одно время. Значит, открытка была не старше четвёртого года.

– С верхней границей сложнее, но ты взгляни на качество лицевой стороны. Фототипия размытая. Да, детали различимы, но резкости не хватает. Вот, сравни.

Папа выдвинул ящик стола и быстренько подобрал нужный пример – фотографическую карточку кёнигсбергского издательства «Грефе унд Унцер».

– Потроховый мост! – Я узнала мост, некогда выводивший с острова Кнайпхоф в пригородный Форштадт.

– Верно. Но ты посмотри на качество печати. И сравни со своей открыткой. Видишь разницу?

– Да... На моей всё как-то смазано.

Папа сказал, что Первая мировая стала золотым веком открытых писем. Их печатали как никогда много – только через полевую почту за четыре года прошло почти тридцать миллиардов карточек, – а главное, издатели отладили технические процессы, и открытки выходили чудесные, едва ли чем-то уступавшие современным. Затем пришёл упадок. Германия проиграла, большинство немецких заводов закрылось, а лучшие карточки печатались именно там. Издатели открытых писем оклемались к середине двадцатых годов, и тогда начался свой отдельный золотой век у фотооткрыток, их выпускали на фотобумаге, из-за чего картинка получалась на удивление чёткой.

– Да, видно всё хорошо, – кивнула я, разглядывая Потроховый мост.

– Вот тебе и верхняя граница, – заключил папа. – Твоя открытка напечатана на обычном картоне. Она появилась не позже двадцать пятого, то есть до массового использования фотобумаги. И наш предварительный промежуток: с четвёртого по двадцать пятый годы. Сузить его трудно, но я тут кое-что посмотрел. Красный Крест пришёл к болгарам, когда они освободились от турок, и работал там довольно активно. Болгарские сёстры даже помогали нам во время русско-японской войны, а печатать открытки они догадались лишь в Первую мировую. Кстати, тогда Болгарский Красный Крест выпустил серию с санитарными и продовольственными поездами. Я бы взглянул. У меня, между прочим, есть один болгарский покупатель. Я ему как-то продал «Бой в деревне» Кожухарова и...

– Пап.

– Да? Да, прости... После Первой мировой Болгарский Красный Крест заглох. Точнее, заглохла их издательская деятельность. На твоей открытке нет выходных данных и даже типография не отмечена. Значит, тираж крохотный – явно послевоенный. Наверное, в начале двадцатых какая-нибудь болгарская община милосердия попробовала опять подзаработать на открытых письмах, но в целом безуспешно. В общем, твою открытку напечатали где-то в двадцатом году. Плюс-минус год. Считай, у неё юбилей.

Не дожидаясь моей реакции, папа повернулся к столу. Наверное, задумался, где бы раздобыть карточки с продовольственными и санитарными поездами. Я же перебралась на кушетку и откинулась на подушку – от неё приятно пахло папиным маслом для бороды.

Папа стучал по клавиатуре ноутбука, а я, затаившись, смотрела на едва различимые балки и доски серой крыши. Общего света на чердаке не было, и папа по всему кабинету расставил торшеры, нацепил лампы-прищепки. На тумбе и двух табуретках возвышались светильники и ночники, попадались тут и совсем крохотные лампы-таблетки, приклеенные к полкам и дверцам. Папа исправно менял лампочки и по вечерам непременно включал каждую из них. Они были разные – худенькие и пузатые, яркие и тусклые, – но все как одна горели жёлтым светом, и нижний чердак мне представлялся тёплым озером, над которым стыла прохлада мрака. Поверхность озера шла почти вровень с полом верхнего чердака, и его кромка превращалась в береговую полосу, дедушкины коробки становились каменистой грядой, дымоход – неприступным утёсом, а скаты крыши – потухшим, беззвёздным небом. Там, над озером, зрела непогода, шумели ветры и плескались волны, а я лежала на дне озера посреди выющихся водорослей, затонувших рыбацких лодок, смотрела на папу, и мне было спокойно.

Папа, сухонький, аккуратненький, сидел в домашних брюках и клетчатой рубашке. Летом он впервые за долгое время сбрил бороду и поначалу выглядел смешно: нос у него оказался крупным, уши – чуть оттопыренными. Теперь же борода отрастала, и папа становился похож на себя обычного, а вот волосы у него на макушке поредели безвозвратно. Папа часто смеялся, говоря, что в молодости мечтал о рыжеволосой певице Лорине Маккеннитт и женился на брюнетке, а мама вздыхала по длинноволосому Арагорну и вышла замуж за «лысеющего

книжного червя». Я улыбнулась, вспомнив его шутку, и так – с улыбкой – задремала. Проснулась глубокой ночью. Папа продолжал работать и пролистывал каталоги с дореволюционными открытками. Я подкралась к нему, поцеловала его в щёку и перешла к себе в комнату, где и проспала до обеда следующего дня.

Спустившись на кухню, я обнаружила на столе записку от папы с электронным адресом Союза филателистов Болгарии. Отправила им целую простыню с вопросами, а потом увидела новый комментарий под моим постом в группе посткроссеров. Какой-то пользователь с пустым профилем и нелепой аватаркой попросил выложить снимок оборотной стороны моей болгарской открытки, заодно выложить и снимок конверта со всеми марками. Сделать это я поленилась.

Пошёл дождь. Без молний и грома. Только дождь, утомительный и однообразный. К вечеру он перестал. Тучи расступились, открыли плоское синее небо, а солнце выглянуло с таким будничным видом, словно весь день честно согревало озябших на ветру людей. Заблестела последняя по осени городская зелень, заголосили птицы. Затишье не обмануло калининградцев. Они лучше припарковали машины, прикрыли клумбы в палисадниках и сбегали в магазины. На небе проступил румянец бордового заката, и солнце пообещало неторопливую зарю, но тучи схлопнулись – на город разом опустилась ночь. Дождь хлынул с удвоенной силой, грянул гром. Под утро взревел настоящий ураган. Папа с мамой закрыли ставни, но стёкла в окнах дрожали так, что разбудили дедушку. По щелям старого дома гудел ветер, и дедушка, спустившись к нам на кухню, сказал, что в такие часы Преголя течёт вспять – её устье бурлит, впуская в русло беспокойные воды Калининградского залива.

К обеду ураган стих. Ещё часик поморосило, и дождь прекратился. Вернулась шелестящая тишина осени. Откуда-то прибежала вся мокрая и взлохмаченная Рагайна. Городские улицы ожили. Туристы спешили прогуляться по улочкам бывшего Альтиштадта, осмотреться на острове Канта и скорее найти машину до Балтийска, где экскурсоводы обещали им россыпь замландского золота, то есть янтаря. В пандемию закрылись многие границы, и теперь к нам даже на осенние каникулы набивались туристы со всей России. В своих чистеньких курточках и кроссовочках они едва ли напоминали прусских ловцов, выходивших на берег Самбийского полуострова и сачками ловивших горячие камни бога Атримпа, однако парочку-другую янтарных крупинок действительно могли найти, при этом не очень-то утруждаясь поисками.

Нас, жителей Ратсхофа, ждал другой улов. Ураганом повалило два крупных дерева. Они сорвали ставни с дома на углу Безымянного переулкa и отчасти перегородили проезд, но в остальном упали удачно. К ним потянулись люди с походными рюкзаками, строительными тачками и самодельными тележками. Завыла бензопила дяди Вити. Все ждали. И мы с папой ждали. Когда дядя Витя распилил первое дерево и заковылял ко второму, мы схватились за ветки, а полешки оставили соседям. Папа для таких случаев приспособил санки – прицепил к ним обрезки фанеры и багажные резинки. Домой мы вернулись с хворостом для моей печурки. Папа, конечно, покупал берёзовые дрова, но не пренебрегал и такими подарками города.

Во вторую ходку я отправилась одна – собрать мелкие, никому не пригодившиеся сучья. Тут позвонила Настя и сказала, что поживёт у меня. Она поругалась с родителями. Вообще, они поругались ещё до каникул. Обычно Настя после семейных ссор ездила к родственникам в Светлогорск, там отдыхала и пила пустырник, а к её возвращению обиды забывались, но сейчас непогода вынудила Настю сидеть дома. Кажется, ничем хорошим это не закончилось. Я поняла, что всё серьёзно. Бросила санки на тротуаре и пошла встречать Настю.

В последний день четверти она подралась с девочкой из десятого «Б». Карина давно задирала Настю и вот дождалась – Настя разбила ей нос и за это по полной получила от завучей, директора школы и своей же мамы. В тот день Настя не захотела после школы идти домой, а когда совсем стемнело, попросила меня пойти с ней – понадеялась, что моё присутствие убережёт её от взбучки. Не уберегло. Тётя Вика поймала Настю в прихожей. Мимоходом улыбну-

лась мне и принялась ругать дочь. Настя слушала, терпела, кривила губы, а потом перестала терпеть и ответила. Тётя Вика быстро остывала – если бы Настя промолчала, они бы утром вновь стали лучшими подругами, таскали бы друг у друга лак для ногтей, однако Настя высказала всё, что думала о своей драке, и тётя Вика пришла в ужас. К тому же Настя говорила так долго и горячо, что тётя Вика под её тираду без сил опустилась на банкетку-обувницу.

– Слушай, мам, – под конец сказала Настя. – Ты этого не понимаешь, но боль можно причинить и физически, и психологически. Психологически – это как по чуть-чуть травить мышьяком. А физически – это как... собственно, двинуть в нос. От психологической боли тоже остаются синяки, только их не принято замечать. Вроде бы как это твоя проблема. Сам виноват. И я что хотела сказать?.. Да, точно. Вот, подожди! Не сбивай меня! Я хотела сказать, что... Точнее, ты мне говоришь, что у меня два варианта. Отвечать словами, то есть бить, как и меня бьют, психологически. Как ты говоришь? «Будь умнее». А это значит: стань таким же. Злым. Потому что мало ответить один раз. Нужно отвечать всегда. Нужно стать специалистом по мышьяку. А я не хочу! Да, мне проще вспыхнуть – стать злой, но на пару секунд. Двинуть и сравнять счёт. И пусть ругают, пусть наказывают. Мне что? Я верна себе. Я не хочу гадить исподтишка, «быть умнее и не попадаться». Плевать. Иногда нужно просто ударить. И не смотри на меня так! Как умею, так и решаю свои проблемы. А твоё «будь умнее»...

Или вот ты говоришь игнорировать. Это твой второй вариант. Опять же – показать, что я умнее и выше любых насмешек. А такие, как Карина, на словах не остановятся, увидят, что со мной можно делать что угодно, и зайдут дальше. И единственное мерило справедливости тут – реакция учительницы: заметит она что-то, сумеешь ты ей что-то доказать или нет. И ведь... Ты предлагаешь играть по правилам? Да? Ты правда так считаешь? Тогда ты ничего не понимаешь, вот что я тебе скажу. Потому что правила тут простые. Если я двину Карине, она пожалуется завучу, и все будут считать меня психопатом. А если Карина мне двинет и я скажу завучу, меня назовут стукачкой. Вот что будет. Понимаешь?

Когда Карина придёт к завучу, она будет строить из себя неженку и плакать о том, какая я злая. И завуч ей поверит. А когда меня вызовут, я честно скажу, что Карина дура и заслужила свой синяк. И завуч назовёт меня проблемной... агрессивной, и... я в любом случае в проигрыше. Вот как ни крути, как ни поворачивай, я в проигрыше. Ну а раз так, даже не буду пытаться играть в их игры. И двину Карине в нос ещё раз, если найдётся повод. Двину и забуду. А она пусть киснет в своей жёлчи. Вот... Кажется, я выговорила. А теперь можешь меня наказывать.

Тётя Вика испуганными глазами посмотрела на дочь. Мне захотелось как-то её утешить, потому что тётя Вика была доброй, милой женщиной, но я только вжалась в висевшие на стене куртки и постаралась не шевелиться. В гостиной за дверью лязгнули тарелки. Дядя Миша, Настин папа, наверняка всё услышал, но не вмешался. А Насте надоело стоять на месте – она схватила меня за руку и распахнула входную дверь. Тётя Вика попробовала остановить Настю, но мы выскочили на веранду и припустили до изгороди, вырвались на улицу и долго бежали, пока не добрались до ближайшего сквера. Там Настя села на скамейку и заплакала.

Я потащила Настю в Камвал, на Генерала Галицкого, и мы заглянули в магазин при хлебозаводе. Я не знала лучшего лекарства от тоски. Мы накупили всяких коврижек, сдоб, завитков и моих любимых «Эстерхази». Настя ещё взяла лицейских коржиков. Мы на ходу объедались коврижками и восхищались, какой у нас чудесный хлебозавод и как хорошо пахнет, пока идёшь вдоль его забора. Когда мы дошли до Ленинского проспекта, там уже пахло опавшей дубовой листвой, а навстречу нам прошла женщина, и за ней протянулся такой шлейф, будто она вылила на себя весь ассортимент «Эйвон» разом, и мы с Настей рассмеялись. Ей стало лучше. Она больше не плакала.

Мы шли по проспекту, говорили обо всём подряд и глазели по сторонам. Тут стояли переделанные под старину хрущёвки. Их украсили островерхими фронтонами, черепицей, и

они немножко напоминали ганзейские дома, но всё равно были обычными хрущёвками, и нам с Настей это почему-то показалось смешным. Мы много смеялись той ночью, даже у «Нескучного сада», где в Кёнигсберге некогда устраивали публичные казни: на месте бывших виселиц сейчас расположился магазин парфюмерии и косметики – действительно смешно.

Не дойдя до Нижнего пруда, мы развернулись и направились к Насте домой, только сделали крюк через Фестивальную. Вообще, ночной Калининград мне нравился меньше дневного. Темнота съедала деревянные изгороди, брусчатку, растущие во дворах жорики-георгины. В ночи было незаметно, что черепичная крыша вилл растекается по мансарде и напоминает ярко-оранжевый длинный парик, нахлобученный на лысенького, пожелтевшего от времени старичка. Калининград становился обычным городом с горящими витринами и фарами машин, только подсвеченные краснокирпичные кирпичи вставали призраками разбомблённого в войну Кёнигсберга.

А вот по Фестивальной мне нравилось гулять именно ночью. Мы с Настей любовались чудесными колбасными и молочными палатками, заглядывали в распторенные окна пятиэтажек, где всё казалось таким кукольным, и наблюдали, как на пересечении с Коммунальной из-под колёс трамвая рассыпаются снопы холодных искр. Потом я проводила Настю домой. Понадеялась, что у неё всё будет хорошо, а теперь встретила с ней и узнала, что за два дня непогоды она ещё сильнее поругалась с мамой.

Настя жила в Северном Амалиенау, неподалёку от Поплавка, и у неё было сразу две гостевые комнаты. Как-то, когда у Насти в спальне делали ремонт, я ночевала в одной из них, и там пахло кондиционером для белья, а на тумбочке лежала чистенькая ночнушка – к неудобольствию тёти Вики, я к ней не притронулась. В нашем доме гостевой не было. На первом этаже располагались три малюсенькие кладовые и кухня, изогнутым коридорчиком соединённая с почтовой станцией, а в двух комнатах на втором этаже жили мама с папой и бабушка с дедушкой. Насте предстояло спать со мной в мансарде.

Конечно, моя комната была совсем не похожа на Настину спальню, канареечно-жёлтую, плюшевую, с пуфиками и высоченным аквариумом, в котором постоянно умирали рыбки, однако Насте у меня нравилось. Я разрешала ей ходить в обуви. И никаких тапочек с розовыми помпонами, как у тёти Вики. Деревянный пол мансарды выглядел грязным даже после уборки, а если я недельку-другую ленилась тащить к себе пылесос и ведро с водой, то по нему непременно разлетались мелкие щепки, веточки и шелушинки коры. В закруглённом углу у двери стоял «Манхайм» – моя чугунная печурка, изнутри выложенная кирпичом, а снаружи приваленная крупными камнями. На топочной дверке значилось: «Esch original. Esch & Co Mannheim. 1880». Уж не знаю, где дедушка её откопал. Раньше в доме никаких печурок не было. У немцев тут в подвале стоял свой отопитель – туда засыпали уголь, и горячий пар расходился по батареям всех этажей, – а мы жили с газовым отоплением, однако до мансарды и чердака оно не дотягивалось. Труба от «Манхайма» уходила прямым в стену, точнее в общий дымоход. Возле печурки, сваленные в кучу, лежали дрова. Сегодня их запас в подвале пополнился. Зимой у нас бывало холодно, но я укрывалась электроодеялом и спала хорошо.

– Думаешь, мама права? – спросила Настя, когда я принесла нам по кружке чая с пирогами из почтовой станции.

– В чём?

– Ну, не надо было бить Карину. Или не надо было бить по лицу. Лучше бы ударила в живот. Коленкой так, смачно, чтобы Карина от боли согнулась пополам.

– Да, думаю, тётя Вика именно это имела в виду. Смачно коленкой в живот.

– Я серьёзно. Считаешь, мама права?

– Никак не считаю.

– Нет, скажи.

– Я и говорю.

– Давай! Я же знаю, ты хочешь сказать, что я не права и вообще ненормальная, если бросаюсь на людей с кулаками.

– Не хочу.

– Скажи!

– Ну хорошо. Ты не права, и ты ненормальная.

– Вот! Я так и знала! Тоже мне, подруга...

Настя скрестила руки и вроде бы обиделась, но потом рассмеялась и обняла меня. За ужином она кокетничала с моим папой, чем развеселила его и заставила отвлечься от ноутбука. Когда папа ушёл, Настя разговорилась с бабушкой про нашего новенького соседа. Дом напротив пустовал два или три года, а теперь там появились жильцы, и бабушка по утрам невзначай прогуливалась рядышком – улучила момент и познакомилась с новой хозяйкой. Обзвонила подруг, рассказала им, что та живёт в Питере, но попробует освоиться в Калининграде, а с ней приехал пятнадцатилетний сын – он пойдёт в нашу школу. Бабушка посудачила с Настей о соседке и растерялась, когда Настя спросила, привлекательный ли у неё сын.

Вечер прошёл весело, а к десяти часам приехала тётя Вика – привезла чемодан с вещами из Настиного гардероба, долго говорила с моей мамой и даже пообщалась с Настей. Они не ругались, но Настя пока осталась жить у меня и перед сном напевала про биполярочку.

У Насти всегда было так. Поначалу она напевала из Оксимирона¹: «Но я не грущу, ведь меня любит моя биполярочка», – коверкала мелодию и превращала её в какой-то попсовый трек, затем включала Билли Айлиш и слушала вперемежку все песни, пританцовывала и кривлялась. Раз десять подряд слушала «I tried to scream, but my head was under water²» и говорила, что в этой строчке – вся её жизнь, а Билли гениальная. Настя постепенно затихала, беззвучно шевелила губами, словно действительно опускалась под воду и ни до кого не могла докричаться. Совсем тускнела и ставила на бесконечный репит ««Hey, how you doing? I'm doing just fine. I lied. I'm dying inside³» Алиссы Навиды, причём ту версию, где ей подпевал грустный Штигли, и всё – Настя умирала внутри, Настя падала в депрессию, Настя превращалась в пятно. И пятном она иногда оставалась целую неделю, не поднималась даже на запах эклеров, и это было ужасно. Поэтому, услышав, как Настя голосом Тимы Белорусских напевает про биполярочку Оксимирона⁴, я вмешалась – пересказала ей всё, что узнала от папы про открытку «я таджика», и показала ответ от Союза филокартистов Болгарии.

Ответ был бестолковый. Болгары не распознали сфотографированный для открытки каменистый пляж, сказали, что таких мест много и вообще у них очень красиво, а марка с египетским стервятником чудесная и редкая, как и сам стервятник, гнездящийся в Родобах, но теперь почти вымерший из-за браконьерства, плохой изоляции на опорах ЛЭН и прочих прелестей цивилизации. «Приезжайте в Софию, заходите к нам на улицу Хан Крум, и мы всё обсудим». Предложение съездить в Софию прозвучало забавно. Действительно, почему бы не махнуть туда на денёк-другой? Одна радость: филокартисты прислали ПДФ-каталоги с антикварными карточками, и я увидела, что в Болгарии разделительная полоса на оборотной стороне сохранялась до шестого года, то есть на два года дольше, чем в России, а значит... Да, собственно, это ничего не значило, ведь папа сразу исключил годы до Первой мировой.

– Поздравляю, – без улыбки сказала Настя. – Открытка оказалась старинной.

– Да, ей ровно век! Хотя возраст для открытки не главное.

– Я думала, чем старше, тем дороже.

---

¹ В соответствии с современным законодательством РФ упоминание Оксимирона следует сопровождать указанием «имеет статус иностранного агента».

² Я пыталась закричать, но моя голова была под водой (англ.).

³ Эй, как дела? Я в порядке. Я соврала. Я умираю внутри (англ.).

⁴ В соответствии с современным законодательством РФ упоминание Оксимирона следует сопровождать указанием «имеет статус иностранного агента».

– Не всегда. Первая в мире открытка вышла в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, а цена у неё низкая.

– Почему?

– Ну, она довольно невзрачная. Никаких тебе фотографий или рисунков. Только простенькая рамочка, надпечатка «Карточка для корреспонденции» и марка на два крейцера. Всё. Да и тираж там за первую пару месяцев – под три миллиона. И никому она особо не нужна. Или советская открытка с «Прибыл на каникулы» Решетникова. Её тираж перевалил за тринадцать миллионов. За такую даже в идеальном состоянии дадут рублей двести-триста, не больше.

– Ясно.

– Вот если бы к тебе попала первая видовая открытка с замком Вартбург, да ещё чистенькая, без штемпелей и надписей, тогда да. За неё папины коллекционеры подерутся.

– Чем меньше тираж, тем дороже?

– Не всегда.

– Издеваешься? Опять *не всегда*?

– Ну, в Великую Отечественную открытки выходили миллионными тиражами, так? Но их печатали на дешёвенькой тонкой бумаге. Да и с фронта они шли кое-как и потом хранились непонятно где. В общем, тиражи у фронтовых открыток были огромные, а сохранилось их мало, и цена у них высокая.

– Ясно... А с твоей открыткой что?

– Пока повисит на мудборде.

Мы с Настей ещё поговорили про «я таджика», про другие необычные открытки посткроссеров. Выяснилось, что Настя никогда не заглядывала к нам на чердак, и я потащила её смотреть папину библиотеку. У него там стояли редкие издания вроде журнала «Открытое письмо» и каталогов Общины святой Евгении со всеми прибавлениями. Папа особенно гордился подшивкой «Иллюстрированной газеты для собирателей видовых открыток», выходившей в Германии с тысяча восемьсот девяносто шестого года, однако Настю газета не впечатлила. Ценнейшие каталоги «Ришара» и «Рассвета» вовсе нагнали на неё тоску, и я побоялась, что Настя опять запоёт про биполярочку, но вскоре пришёл Гаммер, и втроём нам стало повеселее. Мы забрались на верхний чердак и опять заговорили про «я таджика».

– Наверное, он старенький и не разобрался, – сказала я. – Антикварную открытку отправил по ошибке. Даже про идентификационный номер забыл. Или у него сын филокартист, а он случайно пустил на посткроссинг жемчужину его коллекции.

Гаммер со мной не согласился. Сказал, что тут пахнет приключениями.

– Это запах кошачьей мочи, – покривилась Настя.

– Эй! – возмутилась я. – Рагайна наполовину уличная, но свой лоток знает. Точнее, лотки. У неё их три штуки! А пахнет тут старым деревом и дедушкиным барахлом.

– Открытка может быть как бутылка с посланием! – настаивал Гаммер. – «Я таджик» бросил её в море посткроссинга в надежде, что она попадёт в нужные руки.

– Недалеко уплыла его бутылка, – заметила я. – От Светлогорска до Калининграда. Если её отправили из Светлогорска...

– А могла доплыть до Бразилии! Или Австралии! Только бутылка – это конверт. Точно! А открытка – послание.

– С криком о помощи?

– Узнаем, если решим загадку.

– Тут нет загадок. Коровы, зонтики, пляж...

– Да тут всё – сплошная загадка! Странные марки, штемпели, анонимный отправитель, редкая открытка, которую ни один посткроссер... Вот! Точно! «Я таджик» нарочно использовал антикварную карточку, чтобы привлечь внимание!

Гаммер долго говорил в таком духе, даже припомнил галеоны его величества короля Филиппа из «Охотников за сокровищами». Мы с Настей посмеивались, называли моего отправителя то британским пиратом, то тевтонским магистром, а потом Настя заявила, что мы должны во что бы то ни стало разгадать тайну «я таджика», и начала вслух обдумывать первые шаги на пути к разгадке. Настя ожила! Никаких грустишек, биполярочек и никакой Билли Айлиш. Мы с Гаммером поддержали Настю и условились первым делом оборудовать здесь, на верхнем чердаке, штаб-квартиру.

– Я же говорил: пахнет приключениями, – довольный, заключил Гаммер.

Глава четвёртая

Первые зацепки

На следующий день мы обустроили штаб-квартиру. Раздвинули коробки и ящики, отыскали два пляжных стула, купленные бабушкой на распродаже и давно ею забытые – когда я спросила, можно ли ими воспользоваться, бабушка удивилась и сказала, что ещё не выжила из ума и складных стульев не покупала. О пляжном зонтике и наборе просроченных кремов от загара, которые Настя отыскала следом, я упоминать не стала. Папа помог Гаммеру затащить по шаткой лестнице журнальный столик, пожертвовал торшер, две лампы-прищепки и одну из своих пробковых досок, затем подключил нам миниатюрный роутер.

Дедушка заявил, что в штаб-квартире должен стоять секретер для наиболее ценных документов. Кажется, он хотел воспользоваться моментом и избавиться от очередного старья, но тут вмешалась мама – сказала, что мы все уйдёмся, пока занесём эту рухлядь на верхний чердак. В итоге сговорились пустить секретер на дрова. Гаммер вызвался разрубить его топором и часа полтора просидел у дедушки – слушал о том, как дедушкин папа впервые оказался в Кёнигсберге и как за городом попал под обстрел «Вервольфа» – диверсионного отряда нацистов. Дедушкин рассказ понравился Гаммеру, но я увела его на чердак, потому что мы с Настей никак не могли поднять ящик с открытками, а Гаммер, в конце концов, не зря ходил в тренажёрный зал и должен был выполнить свою часть работы.

Из ящиков мы соорудили подобие стены – отгородились от нижнего чердака, чтобы не мешать папе, и приколотили к верхнему ящику пробковую доску. Осветили её лампами, приколотили к ней увеличенные копии конверта и открытки «я таджика». На журнальном столике разложили материалы по Болгарскому Красному Кресту, а в центр поставили поднос с творожными колечками и маковыми кексами – мама разрешила мне набрать всего побольше из витринного холодильника «Ратсхофа», даже заварила нам молочный улун и выдала пачку салфеток. Мы с Настей развалились на пляжных стульях, а Гаммер удовольствовался дедушкиным табуретом со спинкой из сдвинутых коробок.

Обустраивать штаб-квартиру было веселее, чем заниматься расследованием. Мы быстро поняли, что зацепок у нас маловато даже притом, что мы согласились считать зацепками буквально всё подряд: три марки, три штампа, портрет Майн Рида на конверте, сам конверт, фотографию речного пляжа с коровами на открытке, саму открытку и рассказ «я таджика»

о том, как он в детстве читал библиотечные книги. Каждую зацепку мы выписали на отдельном листочке, а листочки разбросали по журнальному столику. Чуть позже, когда мы управились с кексами и перешли к творожным колечкам, Гаммер догадался разделить слова «я таджика» на отдельные зацепки: «приют в книгах», «старое здание библиотеки», «дряхлый пыжик» и, собственно, «я таджик». Не сказать, что это помогло.

- Что дальше? – спросила Настя.
- Не знаю, – призналась я.
- Думай! Ты у нас мозг операции.
- А ты кто?
- Я сердце операции.
- А я мускулы, – вставил Гаммер.

Мы с Настей рассмеялись. Где-то рядом, спрятавшаяся за коробками, шарахнулась Рагайна. На нижнем чердаке многозначительно кашлянул папа, и мы притихли, но всё равно продолжили смеяться. В целом мы не мешали папе работать – он не слышал нас, если мы вдруг не принимались говорить слишком громко. Гаммер покраснел. Потом ему тоже стало весело, и он закатал рукава свитера, показал нам мышцы на руках, правда, от смущения покраснел ещё больше. Когда мы успокоились, я сказала:

- Нужно искать точки соприкосновения. Где и как пересекаются зацепки.
- Да! – подхватил Гаммер. Рукава у него так и остались закатанными. – Тут должна быть стартовая подсказка. На любой карте...
- Это карта? – недоверчиво спросила Настя.
- Ну... головоломка. Так вот, обычно в головоломках где-то на поверхности – подсказка: что сделать в первую очередь. Вроде входа в лабиринт.

Мы пересели на пол, поближе к журнальному столику, и начали двигать зацепки, будто перед нами лежали разрозненные кусочки пазла. Я сразу отметила наиболее очевидную *точку соприкосновения*: болгарскую карточку и болгарскую марку со стервятником.

- Кстати, связь тут интереснее, чем кажется. Я немножко почитала про египетского стервятника. Он гнездится в горах.
- И? – не поняла Настя.
- На открытке – горы.
- Скорее, холмы. Но хорошо, пусть будет.

Настя попыталась скрестить стервятника с пыжиком, Орфея с Майн Ридом и виноград на российской марке с болгарской открыткой. Последнее было не так глупо, ведь в Болгарии, если верить ((Википедии)), каждый год отмечали праздник виноградарей. Гаммер, в свою очередь, заподозрил связь между словами «приют в книгах», «старое здание библиотеки» и портретом Майн Рида.

- Вряд ли он *находил приют* в учебниках, – пояснил Гаммер. – Читал какого-нибудь «Всадника без головы».

Других связей мы не обнаружили. Договорились поискать что-нибудь о выписанных зацепках в интернете, разбрелись по штаб-квартире и устали в смартфоны. Молча читали, потом забрасывали друг друга ссылками, под конец переписывались в «Вотсапе» и обменивались гифками. Ничего не добились и решили сыграть в «Гномов-вредителей» – нашу любимую настольную игру. Втроём играть было не так уж интересно, однако мы неплохо провели вечер. Когда я предложила подытожить первый день в нашей штаб-квартире, Настя заявила, что нужно лететь в Болгарию.

- Там и разберёмся с твоим *таджиком*. Я серьёзно!
- Нас одних не выпустят за границу, – возразил Гаммер, будто в самом деле обдумывал Настино предложение.
- Я попрошу маму полететь с нами! Она согласится. У нас всё равно каникулы.

– Никуда мы не полетим, – вмешалась я.

– А ты была в Болгарии?

– Нет. Но папа был. Правда, в детстве. И привёз оттуда открытку.

– Ого! – воскликнула Настя. – У него *это* с детства?

– В общем, Насть, никакой Болгарии.

– А что тогда?

– Пойдём в библиотеку. Начнём с цепочки «приют в книгах, старое здание библиотеки и Майн Рид». – Тут меня осенило: – Между прочим, «я таджик» вспоминает не просто библиотеку, а именно областную детскую! Значит, к этой цепочке добавляется калининградский штемпель! От почтового отделения на проспекте Победы, где его поставили, ближе всего как раз до нашей областной детской!

Насте и Гаммеру потребовалось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

– Думаешь... – неуверенно протянул Гаммер, – калининградский штемпель ведёт к библиотеке на Бородинской?

Разумеется, я так не думала, однако не забыла, для чего мы вообще затеяли спектакль с головоломкой. Убедилась, что Настя не против прогуляться по Южному Амалиенау, и предложила завтра утром встретиться в Шведском сквере. Настю настолько вдохновила идея связать Майн Рида, почтовое отделение и детскую библиотеку, что она захотела отправиться туда немедленно. Пришлось напомнить ей, что библиотека – не «Дабл-Ю» или «Делимил» в её любимом Треугольнике и сейчас закрыта. Настя сказала, что можно сходить и в «Дабл-Ю» – она знала парня, который провёл бы нас троих в клуб, только Гаммеру нужно будет переодеться, потому что в таком свитере его не пустили бы даже с Настей. В итоге мы никуда не пошли и ещё раз сыграли в «Гномов». Настя победила с отрывом в четыре самородка и выглядела очень довольной. Вот и славно. Никаких грустишек.

Ближе к полуночи Гаммер ушёл домой, а мы с Настей завалились в кровать и укрылись электроодеялом. Настя восторженно сказала, какие мы молодцы, что быстро нашли вход в лабиринт «я таджика». Засыпая, я и сама почти поверила, что вся эта затея с Майн Ридом не такая уж безумная.

Утром, пока я бжикала нам в блендере ягодно-банановый смузи, Настя включила Лану Дель Рей, а значит, разом перескочила через *хоронящую своих друзей* Билли Айлиш, *мёртвую внутри* Алиссу Навиду – перешла к терапевтическим песням о красном платье и танцах в бледном свете луны. Настя переоделась в синие джинсы и белую футболку, накинула новенький дафлкот и сказала, что готова идти хоть до Светлогорска. Действительно, «моя подруга вернулась, и она была круче, чем когда-либо раньше».

Мама только готовилась открыть почтовую станцию, а мы уже выскочили из дома. Я поторапливала Настю, потому что любила гулять по Амалиенау и хотела полюбоваться его осенними улочками на рассвете. До поворота на Кутузова мы с Настей почти бежали, а потом пошли медленно, наслаждаясь ноябрьской погодой.

Деревья стояли в последней листве. За ними прятались двух- и трёхэтажные краснокирпичные виллы с бордовой или вишнёвой черепицей, встречались и бежевые виллы с розовыми мансардами, однако над прочими цветами довлел жёлтый, главный цвет осеннего Калининграда. Сейчас вдруг становилось заметно, что и дорожные знаки стоят с жёлтой окантовкой, и лежащие полицейские подчёркнуты жёлтыми полосами, и даже табличка на воротах «Машины не ставить. Работает эвакуатор» – жёлтая. Улицу пересекали бело-жёлтые полосы пешеходного перехода. Под светофорами стояли жёлтые ящики с солью для посыпки тротуаров, а под чёрными стволами клёнов лежали набитые листвой мусорные мешки – тоже жёлтые. На углу Кутузова и Бородинской пыхтел оранжевый грузовик, больше похожий на громадный пылесос, – он опускал чёрный хобот в жёлтое озерцо из опавших листьев, но добраться до внутренних дворов не мог, и они беззаботно желтели, покрытые плотным листовым ковром. Жаль только, оча-

рование жёлтого Калининграда было скоротечным. Стоило облаку заслонить утреннее солнце, и жёлтые оттенки меркли. На дороге проступали лужи, на тротуарах – грязь. Поднимались заборы с проржавевшей сеткой-рабицей, а на старинных фасадах появлялись пластиковые окна и белые коробки запылённых кондиционеров.

Гуляя по Амалиенау, я всегда немножко грустила. Помнила его расцвет по фотографическим открыткам папы и картинам из овального зала нашей детской библиотеки. Я могла в деталях описать виллу «Маковски» на Кёрте-Аллее, современной Кутузова, построенную из жёлтого кирпича, а по углам обрамлённую кирпичом красным. И виллу «Иоахим» на Оттокарштрассе, современной Огарёва, – прежде зажиточную и строгую, а теперь невзрачную и запущенную, с грязноватыми стенами и дешёвой металлочерепицей на крыше. Я даже могла набросать план Амалиенау с его аллеями и улочками-лучами, расходившимися от круглых площадей. В застройке района угадывалась своя замысловатая, искажённая нарочной асимметрией гармония. Такими же асимметричными были его виллы, построенные примерно в одно время и в одном стиле.

В Амалиенау жили состоятельные горожане, и каждый стремился украсить дом барочными завитушками, барельефом со сказочными персонажами, закруглёнными лоджиями – из них сплетался архитектурный узор района, порой противоречивый, однако скреплённый единством вальмовых крыш. У таких крыш было несколько скатов, и отдельные треугольные скаты непременно лежали по торцам, прикрывая окно мансарды или чердака. Кровли казались изломленными, как вершины гор, да и сами виллы с их разноуровневыми башенками, крылечками и верандами напоминали скальные глыбы, вырванные из земли и поставленные на обозрение всему городу.

Меня восхищала архитектурная дотошность кёнигсбержцев, ничуть не стеснявшихся своего обывательского счастья. Вход в дворницкую и другие хозяйственные помещения они устраивали со двора, чтобы не грязнить лестницу, ведущую к жилым комнатам. Между передней и кухней делали коридорчик, чтобы до передней не доходил чад готовящихся блюд, а от самой кухни старались отгородить буфетную, судомойню и маленькую комнатку для мяса. Да, Амалиенау строили для долгой и беспечной жизни, отделённой от жизни прочего суетливого города. Здесь даже возвели свою кирху. Никто не подозревал, что наслаждаться видом кирхи и удобствами своих вилл кёнигсбержцы будут жалкие двадцать-тридцать лет. Началась война. Германия проиграла. На руинах Кёнигсберга родился Калининград. В отличие от большинства других районов, разбомблённых и сожжённых, Амалиенау уцелел, но его жителям, как и остальным ста сорока тысячам немцев, пришлось покинуть Калининградскую область. Им на смену устремились переселенцы со всего Советского Союза – среди них была и моя бабушка Нинель.

Когда я училась в младшей школе, бабушка часто гуляла со мной по Амалиенау и рассказывала, как впервые забрела сюда и как завидовала тем, кому удалось занять здешние виллы. Бабушка родилась в сорок втором году и жила со своей мамой в подмосковной Ивантеевке. В сорок седьмом они переехали в Брест к папе, и поначалу всё шло хорошо, затем мама нашла его фронтовые дневники и сильно с ним поругалась. Они бы, наверное, помирились, но мама встретила вербовщика, рассказавшего, как замечательно живётся в послевоенном Калининграде, – он помахал перед ней письмами довольных переселенцев, а потом забрал её паспорт. Через неделю мои прабабушка и бабушка оказались в Понарте, где останавливался поезд, ещё не доходивший до Южного вокзала Калининграда.

Бабушке едва исполнилось шесть лет, однако она запомнила свой ужас перед серыми развалинами перемолотого войной города. На трамвае они с мамой добрались до центра, а вагоновожатый был немцем и на подъёме в горку вставал у ручного тормоза в конце вагона. Это бабушка тоже запомнила.

Они с мамой поселились в многоквартирном доме на Красной и жили в одной комнатке с танкистом. Танкист прежде воевал с Японией, а теперь держал на первом этаже корову – по утрам выгонял её на расположенное неподалёку пастбище. Через полгода бабушка на чердаке нашла двух худеньких немецких девочек. За ширмой из грязных простыней лежала их мёртвая мать. Бабушка ходила играть с теми девочками и носила им хлеб, пока танкист не проследил за ней и не отправил девочек в гусевский детский дом, где в смешанных группах держали советских и немецких беспризорников. Мёртвую немку он сам похоронил на заднем дворе.

Взрослые разбирали завалы: отбивали штукатурку и кирпич, которые затем шли на восстановление Сталинграда, а бабушка с другими школьниками ходила собирать всякие семена для лесозащитных полос Украины. Такие полосы защищали поля от засух. Бабушка не любила возиться с кленовыми семенами-вертолётками, однако от работы не отлынивала, потому что за вертолётками её класс отправлялся в чудесный Амалиенау.

Первый муж бабушки Нинель, мой родной дедушка, тогда жил в селе Россоши и помогал высаживать присланные из Калининграда семена. Возможно, ему довелось закопать в землю и какое-нибудь семечко, найденное его будущей женой. О первом муже бабушка говорила редко. Я только кое-что слышала про его детство и знала, что после свадьбы они с бабушкой поселились в Полесске – в квартире, где родился мой папа и где теперь, после всех семейных перетрясок, жила Тамара Кузьминична, бабушкина двоюродная сестра.

Я рассказала Насте про лесозащитные полосы, и Настя стала фантазировать, как я сама выйду замуж за какого-нибудь немца и однажды выясню, что в школьные годы он увлекался посткроссингом.

– И вот он выносит стопку открыток...

– Да-да, я поняла.

– ...а в ней лежит и твоя открытка! Ты написала ему что-то невероятно душевное, потому что в профиле он жаловался на депрессию... Точно! Его травили в школе, и он хотел прыгнуть с крыши, но тут пришла твоя открытка, и он обрёл покой!

– Почти все немецкие посткроссеры – пенсионеры с кучей внуков и...

– ...кучей времени. Понимаю. Ну и что! Думаешь, у пенсионеров не бывает депрессии? Значит, твоего мужа травили внуки и... сиделки из соцзащиты!

К счастью, появился Гаммер и спас меня от Настиных фантазий. Втроём мы пошли по Кутузова и свернули на Бородинскую, бывшую Хаарбрюкерштрассе, а там за кустами снежнотопки увидели нашу областную детскую библиотеку. Она располагалась в двух зданиях, соединённых коридорной перемышкой: в трёхэтажной вилле галантерейщика Штински и в соразмерной советской пристройке. Вот уж действительно, нарост Калининграда на теле Кёнигсберга. Библиотека связывала две эпохи одного города, отличавшиеся друг от друга, как массивное железобетонное крыльцо пристройки отличалось от по-домашнему скромного крыльца виллы. Меня всегда завораживал этот строительный эксперимент. В надежде продолжить архитектурную мысль немецкого Амалиенау советские архитекторы спроектировали разноуровневое, асимметричное здание, однако рядом с розовенькой виллой бледно-голубая пристройка, её плоская крыша и позеленевшее от времени парадное панно смотрелись чужеродно.

– Слушай... – Меня осенило. – А ведь «я таджик» написал, что любит старым зданием библиотеки! Всё совпадает!

– Что совпадает? – не поняла Настя.

– Изначально у нашей библиотеки не было ничего, кроме виллы – старого здания, а потом читальные залы перебрались в пристройку – в новое здание. Вот! Может, открытка «я таджика» действительно ведёт сюда? Новым зданием тут особо не залюбуешься.

– А мне пристройка нравится. – Гаммер пожал плечами. – Но, вообще, звучит логично.

Мы поднялись по ступеням широкого крыльца, пробежали под тяжеленным панно со всадником в будёновке и оказались в библиотеке. Между прочим, всадник отдалённо напоми-

нал индейца, изображённого на конверте за Майн Ридом. Оба сидели на лошади и смотрели назад, только у индейца в вытянутой руке было ружьё, а у красноармейца – пятиконечная звезда. Ещё одно притянутое за уши совпадение, но Гаммеру оно понравилось.

Настя заглянула в комнатку регистрации, чтобы оформить читательский билет, а мы с Гаммером заторопились к лестнице. Перескакивая через ступени и раззадоривая друг друга собственным нетерпением, понеслись на третий этаж, в старший отдел. Ворвались туда и замерли. Связать портрет Майн Рида с калининградским штемпелем и со строчкой о библиотеке – замечательно, но что теперь?

– Есть идеи? – спросила я.

– Ты у нас мозг операции.

Я подошла к столу выдачи. За ним сидела Лена, молоденькая библиотекарь с худенькой косой, очень добрая и улыбчивая. Она первый год работала в библиотеке, но мы успели подружиться, и я даже приглашала её к нам в почтовую станцию. Мы с Леной немножко поговорили об ожидавшем меня пробном ОГЭ по литературе, затем я спросила про Майн Рида и узнала, что в библиотеке лежат пятьдесят шесть изданий его романов. Пятьдесят шесть – ничего себе! Лена повернула ко мне монитор, и я увидела список: «Белый вождь», «Квартеронка», «Охотники за жирафами», «Ползуны по скалам», «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семинолов», «В дебрях Южной Африки»...

– «Ползуны по скалам» звучит интригующе, – прошептал Гаммер. – Я бы почитал.

К нам присоединилась Настя, и мы втроём без толку уставились на список. Лена не понимала, что мы ищем. Мы и сами не понимали. Чтобы не уходить с пустыми руками, я взяла «Всадника без головы» – единственный роман Майн Рида, о котором слышала раньше, – а Гаммер взял «Ползунов». Выйдя из библиотеки, мы отправились перекусить в ближайший «Ростерхит», и Настя вновь перечислила связанные с открыткой зацепки, придумала для них самые невероятные толкования, а потом ей позвонила подруга по фитнес-клубу, и Настя с нами попрощалась.

Вечером Настя вернулась к родителям. Написала мне, что на днях заберёт чемодан. Чуть позже добавила: «Ты там покопайся. Если что-то понравится, носи!» Копаться в Настином чемодане я не стала. Перед сном пролистала «Всадника без головы». Не слишком заинтересовалась романом и отложила его. Утром мы с Гаммером съездили на новенький каток в Балтрайоне, попали туда в «счастливые часы», когда коньки выдавали бесплатно, и остались довольны.

Затем я помогала родителям в почтовой станции, и мне уже было не до катка и не до Майн Рида. Туристы подписывали у нас карточки, а я клеила марки и относила открытки на почту. За нашу страничку во «ВКонтакте» тоже отвечала я. Свежая партия открыток оказалась неудачной – папа впервые напечатал их не на картоне, а на плотной бумаге, – и мне пришлось отвечать на десятки гневных отзывов. Нет, идея была хорошей, ведь такие карточки тоньше, их удобнее хранить в альбоме, но покупатели новшество не оценили. В общем, дел у меня хватало.

В последний день каникул я получила забавную открытку от посткроссера из Беларуси. «Привет, Оля. Мне 15 лет. У меня большая и дружная семья, из домашних питомцев – кот и собака, точнее щенок. Кота я не люблю после вчерашнего. Он убил мою любимую песчанку Мауса. Маус сбежал из клетки, а кот его поймал, хотя раньше им не интересовался. Мы с младшей сестрой похоронили Мауса на улице. Но не будем о плохом. Как у тебя дела?» Бедный Маус! Самым загадочным открыткам от таинственных отправителей я предпочитала вот такие простые и человечные карточки. Желание разобраться с «я таджиком» угасло. О нём не вспоминал даже Гаммер, хотя он осилил своих «Ползунов» – плевался и говорил, что лучше бы перечитал «Книжного сыщика» Дженнифер Бёртман.

После каникул мы две недели учились по «Зуму». К урокам я подключалась из штаб-квартиры, и Настя слала мне безумные смайлики, а как-то утром приехала ко мне, и мы обе подключились к уроку, сидя на одинаковых пляжных стульях на фоне раскрытого зонтика и

коробок с дедушкиным старьём. Зонттик, правда, пришлось убрать, потому что он не понравился учительнице русского языка и на перемене она позвонила моей маме.

На следующий день я сдала «Всадника без головы» в библиотеку а вечером зашла на сайт «Марки», чтобы взглянуть на новенькие художественные марки, и наткнулась на раздел с конвертами. Раньше не обращала на него внимания. Не удержалась и нашла конверт с Майн Ридом. Просто любопытствовала. В итоге узнала, что мы с Настей и Гаммером упустили важнейшую зацепку.

Майн Рида для конверта из серии «Деятели мировой культуры» нарисовал художник Хабловский. Он же нарисовал индейца на заднем фоне – Оцеолу из романа «Оцеола, вождь семинолов»! К цепочке «калининградский штампель, приют в книгах, старое здание библиотеки и Майн Рид» добавилось конкретное произведение! Круг сузился! Настю и Гаммера моё открытие не то чтобы впечатлило, однако они согласились возобновить прерванное расследование.

– Теперь вход в лабиринт выглядит более конкретным, – признал Гаммер.

Я взяла в библиотеке «Оцеолу». Не знала, что в нём искать и как вообще американская «повесть о стране цветов» поможет мне разобраться в тайне болгарской открытки, однако решила воспользоваться случаем и наконец познакомиться с писателем, которого папа так любил в детстве.

Глава пятая

«Оцеола, вождь семинолов»

Я не расставалась с томиком «Оцеолы». Брала его в школу, сидела с ним на подоконниках почтовой станции, таскала его в парк Победы, когда Гаммер выгуливал там мопсов, и постепенно прочитала целиком. На первых страницах Майн Рид занудно описывал флору и фауну американской Флориды, и я испугалась, что таким же занудным будет весь роман. Я как-то читала другого писателя из папиного детства – Фенимора Купера. В его «Прерии» природа занимала чуть ли не половину книги! К последним главам я взвыла от тоски, а когда главный герой умер, лишь вздохнула с облегчением. К счастью, история Оцеолы, военного вождя Красных Палок, получилась более увлекательной – за флорой и фауной у Майн Рида начались дуэли, сражения и любовные страсти.

Сегодня Настя и Гаммер сказали, что после школы сбегают по своим делам, а потом придут ко мне обсудить Майн Рида. Вернувшись домой, я сразу поняла, что день для обсуждений выбран не лучший. Была пятница, и в доме царил бедлам. Мама суетилась в почтовой станции, папа спускался ей помочь, но при первой возможности возвращался на чердак – не успевал подготовить материалы для семинара филокартистов. Я согласилась немножко постоять за кассой, но покупателей встречала с негодованием, потому что пятница была днём, когда мама пекла корзиночки с повидлом, а кремovou розочку для них взбивала из дорогущего новозеландского масла. Нераспроданные корзиночки доставались мне, и я мысленно молила покупателей не подходить к холодильной витрине.

За кассу встала наша соседка по Безымянному переулку, иногда помогавшая маме в «Ратсхофе», и я помчалась к себе в мансарду, однако на лестничной площадке второго этажа меня перехватила бабушка Нинель. Ей позвонила двоюродная сестра из Полесска, Тамара Кузьминична, и пришлось включить четыре домашних телефона на громкую связь. Тамара Кузьминична вещала на весь дом, а мы на разных этажах по очереди поддерживали с ней разговор – в одиночку бабушка с двоюродной сестрой не справлялась. Неожиданная смена собеседника Тамару Кузьминичну не смущала. Наверное, ей представлялось, что мы дружно сидим у телефона. Перебивать её и тем более обрывать с ней разговор не стоило. Она могла обидеться. Обидевшись, Тамара Кузьминична приезжала к нам в гости, а этого следовало избегать любой

ценой. Мы лишь изредка поддакивали, восклицали: «Ну надо же!» – или задавали короткие уместные вопросы, поэтому не слишком отвлекались от своих дел.

Когда я подменила бабушку, Тамара Кузьминична жаловалась на таксистов. На днях она вызвала машину до дачи, и водитель оказался до того бестолковым, что ему весь путь до Сосновки диктовал диспетчер – проговаривал самые очевидные повороты, а главное, так спокойно, вежливо: «Через двести метров поверните налево», «Прямо – три километра», «Вы приехали». Тамара Кузьминична испугалась, что водитель ей попался умственно отсталый, и тряслась на заднем сиденье от страха, а под конец высказала водителю всё, что о нём думала. Тамара Кузьминична продолжала возмущаться, а я едва сдерживала смех. Хотела объяснить, что в машине она слышала не диспетчера, а навигатор, но Тамара Кузьминична вдруг заговорила про пуховые куртки, и я не стала ей мешать. Вообще, слушать её было весело. Порой она не выговаривала сложные слова и переиначивала их на свой лад – могла бы составить собственный словарь с «курокодами» вместо «кьюаркодов», «падемией» вместо «пандемии» и «штампом вируса» вместо «штамма». Вечно у неё кто-нибудь учился в «регистратуре», то есть в «магистратуре», испытывал «энтуазизм» и ходил жаловаться в «мунипуцитет».

Я открыла «Оцеолу», чтобы пробежаться по тексту перед встречей с Настей и Гаммером, а Тамара Кузьминична заявила, что из-за *коровируса* и американских *санации* в Петербурге скоро закроют финскую «Лапландию», начнутся страшные распродажи и нужно будет не щёлкать клювом – ехать в Светлогорск за пуховиками.

– Запиши их телефон!

– Записываю, – сказала я.

– Нина, и ты запиши, – обратилась она к бабушке.

– Мы все записываем, – заверила я Тамару Кузьминичну и действительно записала.

Тамара Кузьминична вновь заговорила про Сосновку и сказала, что там всё готово к мусорной вечеринке. Дача была перевалочным пунктом для нашего семейного барахла. Мы сами, наши родственники, дальние и близкие, жившие в Калининграде, Полесске и Советске, свозили туда рухлядь, которую пока было жалко выбросить, вроде подпорченной мебели, полысевших ковров, не до конца сломавшейся техники или красивого, такого удобного, но совершенно непонятно для чего нужного ящичка из-под бельгийских шоколадок. Потом мы собирались на даче и устраивали там мусорную вечеринку: жарили шашлыки и заказывали контейнер для достаточно отлежавшегося хлама. Тамара Кузьминична говорила про Сосновку, когда в трубке раздался папин голос. Папа, сидя в кабинете, перехватил у меня эстафету и сказал Тамаре Кузьминичне, что мусорная вечеринка состоится в июле.

Я вскочила со стула, но меня поймал дедушка. Он где-то потерял очки, и мне пришлось их искать. Я носилась по лестнице, заглядывала в комнаты. Всюду звучал голос Тамары Кузьминичны, у дедушки кричал телевизор, в комнате родителей бубнили повара из кулинарного подкаста, а снизу доносился гомон покупателей. Я ещё искала дедушкины очки, когда мне из библиотеки позвонила Людмила Степановна – напомнила, что завтра на двенадцать запланирован мастер-класс по посткроссингу. Я совсем забыла! Пообещала первоклашкам украсить открытки бабочкой из лепестков гвоздики, цветков чёрной бузины и усиков винограда. У меня было всё, кроме усиков винограда, и я не знала, где их раздобыть. Людмила Степановна продолжала что-то спрашивать про мастер-класс, а я на лестнице столкнулась с Гаммером и Настей. Они пришли обсуждать Майн Рида, и Настя привела Глеба – моего нового соседа по Безымянному переулку и нашего с Настей нового одноклассника. У меня голова пошла кругом!

Глеб с недоумением уставился на телефон, из которого доносился голос Тамары Кузьминичны. Я попросила Настю с Гаммером по возможности поддержать разговор – Тамара Кузьминична обрадовалась бы, узнав, что её слушают даже мои друзья, – и понеслась дальше. Нашла дедушкины очки, придумала вместо бабочки склеить сливу и так обойтись без усиков винограда, убедилась, что бабушка отдохнула и вернулась к разговору с двоюродной сестрой, пере-

звонила Людмиле Степановне и подтвердила, что мастер-класс состоится, потом взлетела на верхний чердак и рухнула на постеленный возле журнального столика плед.

– Безумный день!

Настя заказала нам из «Британники» по громадному бургеру с говяжьей котлетой и коротенько пересказала Глебу историю «я таджика».

Кажется, Глеб не слишком обрадовался переезду в новый город и в школе вёл себя нелюдимо, однако Настя с ним познакомилась, и теперь они иногда гуляли по Калининграду. Настя при желании могла познакомиться с кем угодно, а Глеб ей сразу понравился. Он ходил в сером пальто и чёрных кожаных ботинках, носил очки в тоненькой оправе «Молескин» и даже в солнечную погоду брал на улицу зонтик, не очень-то доверяя калининградской погоде. Он был младше меня на полгода, но выглядел значительно старше – больше напоминал первокурсника, чем девятиклассника. Они с Настей неплохо смотрелись бы за столиком в каком-нибудь «Порто-о-Кофе». Сейчас Глеб, одетый в чёрные брюки и синюю водолазку, стоял в нашей штаб-квартире и явно не знал, куда приткнуться. На пляжных стульях сидели Гаммер и Настя, а дедушкин табурет Глеба как-то не прельстил. Он заложил руки в карманы брюк и, скрестив ноги, присел на краешек деревянного ящика с открытками. Сделал это, надо признать, довольно изящно.

Глеб в целом уловил суть нашего расследования. Пока Настя рассказывала ему о трёх разных штемпелях, марке с виноградом и пляже с коровами, я почувствовала, как глупо всё это звучит. «И чудненько! – подумала я. – Так даже веселее».

Глеб никак не прокомментировал нашу идею прочитать именно «Оцеолу». Я начала пересказывать роман, но тут приехал заказ из «Британники». Настя по айфону уговорила курьера подняться на чердак и пообещала ему, что будет в маске, потом нацепила сетчатую маску вроде той, которую Лана Дель Рей выбрала для недавней обложки «Интервью», и встретила напуганного нашей домашней суетой курьера у дымохода. Папа, работавший на нижнем чердаке, не обратил на доставку внимания, однако заинтересовался запахом, и я отдала ему половину своего бургера – тот был действительно огромным. Пока мы ели, Гаммер предложил нам как-то себя назвать, и мы стали наперебой предлагать самые нелепые названия, только Глеб молчал. К бургеру он не притронулся. В конце концов сошлись на «Детективном отделе „Почтовой станции Ратсхоф“», и Гаммер закадровым голосом произнёс:

– Штаб-квартира детективного отдела. Четырнадцать минут восьмого. Экстренное совещание. Гончарова докладывает о результатах анализа важнейшей зацепки – романа...

– Мы поняли! – Настя не дала ему договорить.

Я сказала, что повествование в книге вёл молодой плантатор Рэндольф. Телохранителем у него служил мускулистый эфиоп Чёрный Джек, а ещё там был мулат Жёлтый Джек, который любил квартеронку, встречавшуюся с Чёрным Джеком.

– Кварте-что? – не поняла Настя.

– Квартеронку. То есть дочь белого мужчины и женщины-терцеронки.

– О да. Так сразу стало понятнее...

– В общем, мулат возненавидел сестру Рэндольфа и натравил на неё огромного аллигатора.

– Это тот Чёрный? – опять вмешалась Настя.

– Думаю, речь о Жёлтом, – заметил Глеб.

– Спасибо! Хоть кто-то меня слушает.

- И я слушаю! – отозвался Гаммер.
- Да все тебя слушают, – вздохнула Настя. – Давай дальше.
- Сестру Рэндольфа спас индеец-семинол Оцеола. Она в него влюбилась, а Жёлтого приговорили к сожжению, и он сбежал – прыгнул в озеро. Все подумали, что его съел аллигатор.

- Тот самый? – уточнила Настя.
- Нет. Того аллигатора убили.
- Сколько у них там аллигаторов?!
- Много! Это Флорида девятнадцатого века. Слушай, Насть, я так буду до утра рассказывать! Вот, значит... Все подумали, что Жёлтый погиб, и расстроились.
- Почему? Они же собирались его казнить? – теперь вмешался Гаммер.
- Они хотели его сжечь! И посчитали, что Жёлтый в итоге легко отделался.
- Понимаю...
- Потом Рэндольф влюбился в сестру Оцеолы...
- ...которого любила сестра Рэндольфа?
- Да. И всё у них четверых было хорошо, пока не началась война. Тут, – я потрясла книгой, – об этом подробно. Суть в том, что американцы захотели выселить семинолов на Запад и забрать их земли, которые сами же раньше им выделили. Индейцы переезжать отказались и восстали, а восстание возглавил Оцеола. Рэндольф, ясное дело, воевал за американцев, однако они с Оцеолой остались друзьями.
- Это как?
- Ну вот так. Потому что Рэндольф воевал... нехотя. Да и вообще он был славный. И, кстати, на него напал Жёлтый! Выяснилось, что никакой аллигатор его не съел. Жёлтый выжил и стал вождём племени «полунегров», обитавших в болотах реки Амазуры.
- Просто огонь! – воскликнула Настя.
- Дальше тут всякие страсти. Рэндольф ревновал Маюми...
- Это кто?
- Сестра Оцеолы! До Рэндольфа доходили грязные слухи, и он весь терзался. Вот, послушайте: «Кровь как будто сжигала моё сердце. Я испытывал такую страшную боль, что едва удержался, чтобы не застонать». Всё серьёзно. Рэндольф даже дрался на дуэли с одним адъютантом, но потом они с Маюми... сейчас найду... Вот! «Между нами как будто прошёл электрический ток, наши души и сердца слились в счастливом единении».
- Там вся книга такая?
- Потом Рэндольф заподозрил, что его сестра тайком встречается с Оцеолой, и очень разозлился, ведь он был единственным мужчиной в доме и хранил честь семьи.
- Подожди. – Настя, запутавшись, мотнула головой. – Почему он разозлился?!
- Потому что его сестра белая, а Оцеола – индеец.
- И?! Он же сам там крутил со своей Маюми!
- Ну, ему можно, он мужчина. А для женщины это позор.
- Ну и муть...
- Слушай, тут много весёлого. Сосед Рэндольфа, тоже плантатор, однажды порол раба и так разошёлся, что умер от ярости. Точнее, от инсульта, вызванного яростью. Но книга добрая, про любовь.
- Я так и поняла.
- Дальше идут сражения, перестрелки, набеги. Рэндольф их подробно описывает, а потом ему надоело всё это описывать, и он только говорит, что за семь лет войны у американцев сменилось семь генералов и они были дураками. В конце Жёлтый со своими полунеграми похитил сестру Рэндольфа и устроил пожар на его плантации. Рэндольф с друзьями бросился в погоню, но чуть не погиб в горящем лесу. Даже потерял сознание, но Чёрный Джек оттащил его в озеро.
- А Чёрный там откуда?! – возмутилась Настя.
- Он всегда был рядом.
- Ты не говорила.
- Я о многом не говорю. Книга большая.
- Ясно. А дальше что?

– Дальше Рэндольф и Чёрный попали в плен. Жёлтый закопал их по шею в землю, а вокруг развёл костёр.

– Да что у них за пиромания такая – всех сжигать?! Заняться больше нечем?

– Тут прискакал Оцеола с Красными Палками и спас Рэндольфа. Ну а Жёлтого наконец убили.

– Сожгли?

– Нет. Его, скажем так, укусили змеей.

– Надо же!

– В итоге Оцеола и сам умер в тюрьме, семинолы сдались и переехали на бесплодные западные земли, а свои плодородные земли уступили американцам. Рэндольф женился на Маюми и заново отстроил сгоревшую плантацию.

– Хеппи-энд, – подытожила Настя.

Настя и Гаммер, смеясь, обсудили «Оцеолу», а когда они притихли, Глеб уточнил:

– И как это связано с «я таджиком»?

Я развела руками. Видимой связи между романом Майн Рида и болгарской открыткой я не нашла. В «Оцеоле» не было ни речных пляжей с коровами, ни дряхлых пыжиков. И Светлогорск с Заливиным, тогда ещё названные Раушеном и Риндерортом, не упоминались.

– Что теперь? – спросил Гаммер.

Он выглядел разочарованным.

– Ясно что! – отозвалась Настя. – Летим во Флориду!

– Ну да... – Я и сама была немножко разочарована.

Расследование зашло в тупик.

На следующий день я пошла в отдел искусств нашей библиотеки. Он располагался в здании виллы, и мастер-классы я проводила именно там. Первоклашки остались довольны. В сентябре я завела им общий профиль на сайте посткроссинга и теперь сама же отправляла украшенные ими открытки. Подождала, пока малышню заберут родители, и вернулась в пристройку библиотеки – заглянула к Людмиле Степановне в отдел комплектования, чтобы подписать дипломы победителей читательского конкурса. Людмиле Степановне нравился мой почерк, и она изредка доверяла мне подобную работу.

Небольшое L-образное помещение было завалено стопками новеньких книг и журналов. Справа был закуток с компьютером, где сидела Людмила Степановна, а слева вдоль розовой стены стояли шкафы с инвентарными книгами и шкафы с ящиками генерального каталога. В дальнем конце помещения на подоконнике возвышалась гора книг, отобранных на списание. Я взглянула на корешки: «Серебряные башмачки» Гарднер, «Мио, мой Мио!» Линдгрэн, «Экстрим на сером волке» Донцовой, «Смерть демона» Стаута, четырнадцатый том из собрания сочинений Фейхтвангера и всё в таком духе – ничего интересного для себя не отыскала и села за стол возле окна. За полчаса подписала дипломы и собралась уходить, но, помедлив, подошла к каталожному шкафу и вытащила из него узкий длинный ящичек под номером тридцать два: «Р – РОЖ».

В генеральном каталоге учитывали весь библиотечный фонд. Каждую книгу записывали на отдельную каталожную карточку с указанием автора, издательства и всех доступных экземпляров. Иногда на карточку попадало сразу несколько томов одного собрания сочинений, но в целом найти нужное произведение было нетрудно. Я водрузила ящичек на стол и пробежалась пальцами по плотному ряду карточек. Остановилась на Джоне Риде. За ним шёл Майн Рид. Оказалось, что выданный мне «Оцеола» – не единственный. В библиотеке хранилось пять отдельных изданий «Оцеолы», опубликованных с восьмидесят шестого по девяносто первый годы «Приволжским книжным издательством», «Радио и связью», «Правдой», новосибирским «Детлитом» и московским «Детлитом», который мне и достался. Ещё было два издания «Оцеолы» в собраниях сочинений Майн Рида пятьдесят шестого и девяносто третьего года. Всего

– двадцать три экземпляра семи разных изданий. И это без учёта вычеркнутых, то есть списанных экземпляров. Удивительно! Зачем библиотеке столько «Оцеол»? Наверное, в папином детстве Майн Рид был действительно популярен.

– Деточка, Оленька, ничего там не напутай!

Людмила Степановна даже не выглянула из своего закутка – по звукам догадалась, чем именно я занимаюсь. Голос библиотекаря вывел меня из ступора. Я вернула ящичек на место, выскочила из отдела комплектования и заторопилась по лестнице на третий этаж пристройки. Не поленилась и заказала в старшем отделе двадцать два экземпляра «Оцеолы» – двадцать третий лежал у меня в мансарде. Лена не очень-то обрадовалась, но я сказала ей, что готовлю доклад о Майн Риде, и она не стала спорить. Вообще, на один читательский билет выдавали не больше пяти книг, но ведь я не собиралась тащить «Оцеолу» домой! Хотела быстренько пролистать его здесь, в библиотеке. Пока Лена звонила в книгохранение, пока там собирали мой заказ и пока укладывали его на полку библиотечного лифта, я написала Гаммеру о своей безумной затее. Гаммер меня привычно поддержал.

Вскоре передо мной оказалась стопка из двадцати двух томов. В первых четырёх я ничего интересного не увидела, а в пятом обнаружила серую лузгу подсолнечника, должно быть, оставленную кем-то из читателей ещё в советские годы. Вспомнила волосок, найденный в одной из книг Коперника, – учёные заполучили образец его ДНК и в дальнейшем опознали его останки. Я сфотографировала лузгу, сбросила снимок в общий чатик нашего детективного отдела, следом написала про волосы Коперника. Он, кстати, месяц жил в Кёнигсберге, лечил местного советника. Об этом я тоже написала в чатике.

«Огонь!» – ответила Настя.

«О!» – ответил Гаммер.

Глеб ничего не ответил.

«Думаешь, семечку тоже оставил Коперник?» – следом спросила Настя.

«Скорее „я таджик“», – написал Гаммер.

Глеб опять промолчал.

Переписка в чатике меня развеселила. Следующие экземпляры «Оцеолы» я листала без трепета и не так внимательно. Заскучав, открыла старенький оранжевый том «Оцеолы» из шеститомного собрания Майн Рида, изданного в пятьдесят шестом году «Детгизом», и... нашла вход в лабиринт, о котором столько говорил Гаммер. Это был он, никаких сомнений! Круг окончательно сузился: сначала охватил всего Майн Рида, затем – его отдельное произведение, а теперь сфокусировался на конкретном библиотечном экземпляре, после долгих поисков угодившем мне в руки.

Глава шестая

Старик Смирнов

Австрийцу, жившему больше века назад, как-то не хватило денег, чтобы отправить возлюбленной полноценное письмо. Бедолага ограничился открыткой, однако его чувства были велики, и на обычной карточке он уместил семь тысяч слов – целую неделю выписывал их тоненьким пером и бережно подсушивал промокашкой. По легенде, его возлюбленной, в свою очередь, потребовалась неделя, чтобы прочитать написанное. Она осталась довольна слогом, вот только испортила себе зрение. Вскоре австриец её бросил, потому что не захотел жениться на подслеповатой девушке. Поучительная история. Наверное, Калеви из Финляндии не слышал о ней – прислал мне открытку, исписанную до тошноты крохотными буквами.

Рекорда семи тысяч слов Калеви не побил, но рассказал мне о своей жизни всё. Я узнала, что он вырастил сорокапятикилограммовую тыкву, завёл кошку Кики и полюбил её, хотя она жадно поглядывала на золотую рыбку в его аквариуме. Калеви мечтал побывать в России, особенно на Камчатке, ходил в лыжные походы и брал с собой фотоаппарат, чтобы фотографировать лосей, а в последний день лета рыбачил на озере Сайма – поймал громадного окуня и одну крохотную рыбку, определить которую не сумел. Окуня он съел, неизвестную ему рыбку отпустил. Калеви обожал синий цвет, даже выкрасил в синий свой дом и мечтал не просто приехать в Россию, а пролететь над ней на синем воздушном шаре, хотя прежде на воздушных шарах, ни на синих, ни на каких-либо ещё, не летал и не знал, делают ли их одноцветными, – по телевизору всё время показывали разноцветные.

Калеви ещё много написал такого, что я не смогла разобрать. Чудо, что я вообще осилила его послание, – буквы были чёткие и разборчивые, но у меня зарябило в глазах. Неудивительно, что невеста того австрийца ослепла. Я бы тоже ослепла, если бы старалась перевести каждое написанное Калеви слово. Кстати, карточку он закончил грустно: «Весь мир сейчас на борту терпящего бедствие корабля. СМИ поддерживают иллюзию, что мы однажды вернёмся к прежней жизни, но я в этом сомневаюсь. Поэтому выбрал такую открытку. На ней пассажиры ждут, что их паром доберётся до берега. Хорошо бы их ожидания оправдались, но что-то слабо верится. Вот так я себя чувствую. Пока». Да уж... Не самая жизнерадостная карточка. И на ней действительно было изображено тонущее судно! Точнее, оперный театр, на сцене которого разыгрывалось кораблекрушение и все пассажиры стояли с раскрытыми ртами и поднятыми

руками. Судя по выходным данным, картинку нарисовал финский художник Сеппо Тамминен. Тоже молодец, не мог придумать что-то более вдохновляющее!

Мне бы сочинить бодрый хуррей, но я ограничилась коротеньким «Спасибо за открытку! Берегите себя и своих близких!». Не было сил подбадривать Калеви. Честно говоря, я бы отложила историю про окуней и воздушные шары до лучших времён – минут сорок возилась с карточкой и брала дедушкину лупу! – но вчера произошло нечто странное. Перед школой я заглянула в почтовый ящик. Там лежала платёжка за электричество и открытка Калеви. Открытку я забрала, на биологии показала Насте, и Настя восхитилась тем, что Калеви слово «синий» выводил именно синей пастой. Платёжку после обеда забрала мама. Так вот, по словам мамы, в ящике нашлась ещё одна открытка! Из Болгарии! Моя первая, если не считать «я таджика», болгарская открытка – видовая, с дважды написанным идентификационным номером, с окантовкой из радужного скотча, с красивыми марками на два с половиной лева и милым сообщением: «Привет, Оля! Я живу в Пловдиве. Мне нравится Минни-Маус. Недавно мы с женихом купили парные свитера и парные чехлы для телефона. Удачи!» Я заподозрила неладное, ведь почтальон разносил почту только по утрам. Изучила открытку вдоль и поперёк. Даже отклеила скотч, уж не знаю, что я ожидала под ним увидеть – скрытое послание? Следом изучила финскую открытку Калеви. Наконец решила, что карточка из Пловдива завалилась в кармашек платёжки. Я торопилась в школу и могла этого не заметить. Я и прежде опаздывала на первые уроки, а теперь, в пандемию, они начинались на полчаса раньше, и это было сущее издевательство!

Я толком не готовилась к пробным экзаменам и перестала подписывать открытки. У меня накопилось семь свободных отправлений! Чем больше карточек доходило до адресатов, тем больше отправлений появлялось в лимите. При двухстах девятнадцати открытках я расширила свой лимит до тринадцати отправлений, а у меня вдруг не нашлось ни времени, ни желания ими воспользоваться! Всему виной – «я таджик» и его Майн Рид. Найденный мною экземпляр «Оцеолы» был странным. Мне в библиотеке никогда не выдавали подобных книг! Нет, мне попадались растрёпанные и грязноватые томики с жирными пятнами на страницах, но тут кто-то изрисовал «Оцеолу» красным и синим карандашами – довольно примитивно, но узнаваемо изобразил американских солдат, аллигаторов и, конечно, индейцев. Судя по фигуркам с тремя страусовыми перьями, отличительному знаку Оцеолы, читателя больше других вдохновил вождь Красных Палок. Оцеолу он изобразил шесть раз, и один раз – на лошади, с ружьём в руках. Совсем как на конверте! В библиотеке именно этот рисунок я увидела первым и сразу поняла, что наткнулась на нужный экземпляр. Рисунками его странности не ограничились.

На титульном листе «Оцеолы» стоял экслибрис – выцветшая печать с простеньким изображением глобуса, чернильницы и мелкой подписи. В подписи я разобрала два слова: «Личная библиотека». Дальше, надо полагать, шла фамилия бывшего владельца книги. Её разобрать не получилось. Ну, она точно заканчивалась на «ова», однако я не была уверена, что экслибрис вообще важен. Наверное, шеститомник Майн Рида в шестидесятых попал на Бородинскую из какой-нибудь домашней библиотеки. Пролежал тут с полвека и чудом избежал списания. Людмила Степановна говорила, что только в прошлом году она отправила в макулатуру три тысячи изданий. Кому захочется читать книгу с чужими рисунками, да ещё и с громадным чернильным пятном? Сероголубое, похожее на густую сетку вен и будто шершавое, оно почти целиком покрывало один из разворотов «Оцеолы» – жуткое зрелище.

Если мой «Оцеола» и был входом в лабиринт, то каким-то неочевидным. Я сфотографировала карандашные рисунки, нашла в интернете электронный адрес Хабловского и отправила фотографии ему. Хабловский, работавший над конвертами из серии «Деятели мировой культуры», не ответил. Да и что он мог сказать? Рисунки как рисунки. В итоге я взялась за второй роман из моего томика – за «Оцеолой» шёл «Морской волчок» – и созвала выездное заседание детективного отдела. Сегодня папа ждал рабочих, посидеть на верхнем чердаке всё

равно не удалось бы. Папе предстоял новый эпизод в затянувшейся эпопее «Великое сражение за шиндель», и без моей помощи он бы не справился.

Шиндель, то есть деревянная чешуя, больше ста лет покрывал стены нашего дома и обветшал. На солнечной стороне это было особенно заметно: дощечки вскоробились, стали мертвенно-серыми, местами вовсе расщепились. Папа ходил в мэрию, в приёмные депутатов – да куда он только не ходил! – и наш дом признали объектом культурного наследия муниципального значения. К нам приехали архитектурные комиссии, папа с ними тепло пообщался, мама напоила их глясе, а глясе у мамы особенный, с итальянским лимонным джелато. Служба охраны объектов культурного наследия нашла деньги на ремонт и помогла нанять строителей. Мама и строителей напоила глясе. Они остались довольны, а потом всё пошло кувырком.

Папа сразу насторожился, когда главный строитель назвал шиндель гонтом, ведь гонт не похож на шиндель! Нет, на самом деле похож, но путать их в присутствии папы не следовало. Шиндель прибивался внахлёт, как чешуя, а гонт – это клинообразные дощечки с боковой выемкой, и такие дощечки вставлялись одна в другую. Папа всем объяснил разницу, улетел на встречу филокартистов в Альтонском музее, а вернувшись, пришёл в ужас. Строители частично заменили шиндель на первом этаже, и выяснилось, что новые дощечки толще старых, к тому же сделаны не из дуба, а из лиственницы. Ещё и гвоздями строители обзавелись совсем неподходящими. Вот тогда и началось «Великое сражение за шиндель».

Папа твердил охране культурного наследия, что немцы неспроста выбрали местную породу дерева – дуб, который лучше всякой лиственницы, пусть бы и привезённой из Архангельска, выдерживал калининградскую погоду. Приводил в пример деревянное крыльцо нашего дома. Немцы вымазывали его смолой, посыпали железной окалиной, и с годами оно покрылось прочнейшей коркой, защищавшей ступени от дождя, – знали, что делают!

В общем, эпопея была шумная и долгая. Мы с соседями вставали в цепь, чтобы рабочие не прошли к дому. К нам приезжали журналисты, и папа, стоя в цепи, давал им интервью – говорил про городскую архитектуру, объяснял отличие шинделя от гонта, дуба от лиственницы, упоминал «чугунное» крыльцо. Правда, из репортажа всё это вырезали, и по телевизору лишь показали, как папа называет охрану культурного наследия сборищем бюрократов. Потом пошли дожди, и от новых гвоздей растеклись чёрные сопли. Тем временем папа отправил старые дощечки в лабораторию и наконец доказал, что они сделаны из дуба. Комиссия признала его победу, но эпопея не завершилась, и сегодня ожидался её очередной эпизод. Вставать в цепь от нас больше не требовалось, достаточно было вовремя заметить строителей, чтобы папа успел вызвать полицию.

Бабушка с дедушкой караулили заезд в Безымянный переулок со стороны Воздушного ручья, и бабушка порадовалась лишнему поводу вытащить дедушку на прогулку. Сам папа сидел у заезда со стороны проспекта. Он одолжил у меня пляжный стул и писал статью по филокартии для музейного буклета. Мне же поручил занять наблюдательную позицию за домом – на случай, если строители полезут окольным путём через соседний переулок. Я вынесла на задний двор пластиковые стулья, протёрла стеклянный столик, поставила на него блюдо с чайными кексами, а рядом положила коробочку с «Гномами-вредителями». Скинула фотографию этого натюрморта в общий чатик и предложила всем собраться на выездное заседание. Уговаривать никого не пришлось.

Первым появился Глеб. Я обнаружила его в торговом зале «Ратсхофа». Он стоял возле мудборда, рассматривал открытку «я таджика», будто мог разглядеть нечто новенькое, затем протянул руку и наполовину вытащил открытку из пластикового кармашка, но заметил меня и вернул её на место – пошёл смотреть папину экспозицию. Кажется, Глеб поверил, что за посланием «я таджика» скрывалась тайна. Он теперь приходил на все встречи нашего детективного отдела, даже смеялся над нашими глупыми шутками и научился играть в «Гномов». Улыбаясь, Глеб превращался в обычного девятиклассника, однако стоило мне или Гаммеру остаться с

ним наедине, как он вновь вырослел и отстранялся. Без Насти Глеб, кажется, чувствовал себя неуютно в нашей компании.

– Идём. – Я позвала Глеба, и мы отправились на задний Двор.

Вскоре к нам присоединились Гаммер, его друг Слава, Настя, Настина подружка Таня и наша с Настей знакомая, Оля Боткина. Оля жила неподалёку, на Бассейной. Раньше мы учились вместе, и в нашем классе было три Оли, а в прошлом году Боткина поступила в лицей-интернат «Шили», который она называла исключительно «ГАУ КО ОО „Шили“» – так быстро произносила этот набор букв, будто говорила по-китайски, – и общаться мы с ней перестали. Оля словно переселилась на другую планету, а тут вдруг согласилась сыграть в «Гномов». Таню я знала плохо, только слышала, что её отец работал на дядю Мишу, Настиного папу, а Славу видела частенько – года два назад Гаммер познакомился с ним в старом корпусе восемнадцатого лицея, куда наша школа возила учеников на урок технологии. Пополнению в команде я обрадовалась. Всемером играть интереснее. Правда, пришлось сбегать за дополнительными стульями и коротенько рассказать Оле, Тане и Славе о загадочной болгарской открытке. Открытка их не очень-то впечатлила. Они предпочли скорее начать игру, а не слушать про чудаковатого «я таджика».

– Давно не заходила, – сказала я Оле.

– Да. Учёбы много, – ответила она.

Вот и весь разговор. А ведь когда-то мы были лучшими подругами.

Я сдвинула столик так, чтобы кусты пузыреплодника не загораживали мне вид на соседний переулок, – не забывала о папином задании – и разложила карты. Стартовал первый раунд первой игры. Мы по очереди строили тоннель, ломали друг другу тележки, находили секретные карты, подсматривали под одну из трёх финальных карт в надежде обнаружить там золотой самородок и гадали, кому досталась роль саботёра, то есть гнома-вредителя. Вычислить Настю было проще всего. Став саботёром, она зловеще хихикала и сразу городила в тоннеле тупики, ненужные отвороты, торжественно выкладывала карты обвала. В итоге мы быстренько разбивали ей фонарь, ломали тележку и кирку, и Настя до конца раунда злилась от собственной беспомощности. Глеб в роли саботёра был хитрее: помогал строить тоннель, невзначай прокладывал сомнительные отвороты, а пакости приберегал напоследок. Если знал, под какой из финальных карт лежит самородок, не мешал нам строить проход к двум картам с пустой рудой, а когда мы приближались к настоящему золоту, ставил предательский тупик! Победив, Глеб пересчитывал выигранные самородки и выглядел довольным.

– А тебе нравится играть за саботёров! – досадуя, заметила Настя.

– Они тут в главной роли.

– Это почему?

– Потому что игра называется «Гномы-вредители», а не «Гномы-кладоискатели».

Гаммер не согласился. Они с Глебом начали спорить и упоминать другие, мне неизвестные настольные игры. Спор подхватили и Таня с Настей, а Слава молча уплетал кексы. Потом на столик запрыгнула Рагайна. Мы закричали на неё, и она так спрыгнула, что карты полетели во все стороны, и пришлось собирать их с влажной травы. Было весело. Даже Оля Боткина вновь стала прежней Олей, с которой мы торчали у меня в мансарде, прятались под одеялом и придумывали истории о немецких привидениях, живших на чердаке и бродивших там по ночам.

Декабрь выдался тёплый, и на заднем дворе нам сиделось хорошо, хотя ветер от реки порой задувал прохладный. В позапрошлом году к этому времени уже сыпал первый снег, а лет двести назад в Кёнигсберге стоял такой холод, что птицы замерзали на лету и гибли шелковичные плантации на острове Ломзе – там, где теперь высится стадион «Калининград». Я упомянула об этом за игрой. Оля мне не поверила, сказала, что подобных холодов здесь отродясь не было. Мы все вновь заспорили. Каждый вспоминал, где и как мёрз, как мёрзли

его родственники. Потом выяснилось, что из нас семерых только мы с Настей могли назвать себя коренными калининградцами, у остальных родители переехали сюда в девяностые, и мы заспорили, допустимо ли вообще кого-то считать коренным калининградцем.

Мама подложила нам новую порцию кексов, заодно принесла пирожные с фисташковым бисквитом. Слава им особенно обрадовался, стащил себе три штуки, и я сказала Гаммеру, что Слава мне нравится. А вот Оля Боткина на пирожные даже не взглянула – от негодования мне захотелось её тряхнуть. Мама ещё принесла нам чайник с молочным улуном, хотя у неё хватало и других забот. Она осталась одна в почтовой станции, к тому же возилась со своими саженцами – придумала дома выращивать огурцы и орхидеи. Вчера вечером вымочила семена огурцов, а с утра закутала их во влажные салфетки и спрятала в холодильник, где и так всё было забито её кулинарными заготовками. В холодильник отправились и банки с семенами орхидей, им предстояло закаляться там почти три месяца. Вообще-то я обещала маме помочь – семена орхидей следовало обработать отбеливателем, а банки закрыть двойным слоем фольги, – но папе потребовался наблюдатель на заднем дворе, и мама меня отпустила.

Глеб опять выиграл за саботёров. Играть стало немного скучно, но мы начали новый раунд, и я шёпотом договорилась с Гаммером на всякий случай сразу разбить Глебу фонарь. Закончить раунд мы не смогли – приехала полиция. Пока мы сидели на заднем дворе, бабушка с дедушкой подстерегли рабочих. Забыв о «Гномах», мы отправились смотреть, как папа ругается с главным строителем и мужчиной из охраны объектов культуры. Туда же подтянулись соседи. Даже дядя Витя вышел в своём стареньком свитере и растянутых спортивных штанах. Хорошо хоть, бензопилу не захватил.

Папа убеждал главного строителя отложить работы до лета, потому что менять шиндель зимой – не лучше, чем раскатывать асфальт по снегу, а главное, просил не отказываться от старинных гвоздей. Папа заранее вытащил из стены квадратненькие немецкие гвозди и сейчас бросал их на тротуар – так, чтобы все слышали: они и век спустя звенят, а значит, менять их нет смысла. Главный строитель заверил папу, что теперь купил расчудесные медные гвозди и чёрных соплей на шинделе не будет.

– Чёрных не будет, – согласился папа. – Но будут зелёные!

Немецкие гвозди ковались из особого сплава, повторить который в Калининграде никто не мог. Такой сплав не давал подтёков – ни чёрных, ни зелёных, ни серо-буро-малиновых. Папа так и сказал. Для большей убедительности вновь бросил гвоздь на плитку тротуара. Спор затянулся, соседи потихоньку разошлись. Полицейские безучастно стояли рядом и поглядывали на хмурого дядю Витю. Он и без пилы внушал им опасение. Наконец главный строитель и мужчина из охраны объектов культуры согласились отложить работы до весны, потом ещё раз послушать, как звенят немецкие гвозди, а свои новенькие пока отправить на какой-нибудь другой объект. Рабочие уехали. Следом ушли и Слава с Таней. Славе я на прощание сунула три чайных кекса. Оля Боткина осталась. Кажется, ей приглянулся Глеб.

Мы вернулись за столик на заднем дворе, начали новый раунд «Гномов», и я рассказала, как вчера попыталась найти какое-нибудь приложение для марки с египетским стервятником – на случай, если в Болгарии для неё предусмотрели дополненную реальность. У меня были такие марки: наводишь на них камеру смартфона, и рисунок оживает. Ничего не нашла. Марку со стервятником выпустили в две тысячи первом году, и дополненную реальность тогда, наверное, ещё не придумали. Потом я показала всем «Оцеолу» с экслибрисом. Гаммер с Глебом попытались прочесть фамилию владельца личной библиотеки. Оля Боткина села поближе к Глебу, склонилась, чтобы лучше рассмотреть карандашные рисунки, и её волосы упали ему на рукав. Глеб отстранился от Оли, и в итоге она ушла.

Гаммер, Настя и Глеб, не найдя в «Оцеоле» ничего стоящего, лениво играли в «Гномов», а я взялась перелистывать книгу и вслух зачитала несколько отрывков. Гаммеру особенно

понравилось место, где речь шла о сумасшедшей королеве микосоков, которая везде ходила с ожерельем из живых гремучих змей.

– Надо почитать! – рассмеялся Гаммер. – Я такое люблю.

Я пожаловалась на привычку Майн Рида сравнивать женщин с арабскими лошадками, посмеялась над его героем ирландцем, раздававшим пинки под «задний фасад», и зачитала речь Оцеолы. «Мы любим мир, но не боимся войны! Мы знаем, что вы сильны, что вы превосходите нас численностью на целые миллионы! Но даже будь вас ещё больше, вы всё равно не заставите нас примириться с несправедливостью. Пошлите свои войска в нашу страну, но не думайте, что вам удастся вытеснить нас отсюда так легко, как вы воображаете. Пусть будет объявлена война! Мы готовы к её бурям! Град сбивает со стеблей цветы, а крепкий дуб поднимает свою крону к небу, навстречу буре, несокрушимый и неодолимый!» Ух! Второй раз прочитала эти строки, и опять пошли мурашки по спине. Мне представилось, что я сама – из маленького гордого племени семинолов, представилось, как на меня нападают большие и коварные соседи, и такая во мне проснулась воинственность, что захотелось взять копьё и немедленно броситься в бой. Лучше быть маленьким и гордым, чем большим и коварным. Хотя из меня, конечно, та ещё воительница.

Я продолжала листать книгу, выхватывала запомнившиеся мне эпизоды и вдруг обнаружила то, что прежде от меня ускользнуло.

– Да ну... – выдохнула я.

– Ты чего? – Гаммер отвлёкся от «Гномов».

– Смотри!

Я показала ему разворот, испорченный чернильным пятном. На левой странице Рэндольф сидел у себя на плантации и волновался за честь семьи: «Если моя сестра любит индейца, значит, она потерянная, падшая женщина!» На правой странице он уже бегал по форту и переживал, что генерал узнает о его недавней дуэли.

– И что? – не поняла Настя.

– А то! Здесь пропущен целый кусок!

Я не читала изрисованный экземпляр «Оцеолы», только пролистывала, поэтому и не заметила, что из книги пропало восемь глав с хвостиком! К тому же меня отвлекло чернильное пятно на развороте, где вслед за двести пятьдесят шестой страницей шла двести восемьдесят девятая! Да мне и без пятна не пришлось бы в голову присматриваться к их номерам! Книга выглядела полноценной, корешок и обрез – самыми обычными. Ничто не выдавало отсутствия тридцати двух страниц! Их не вырвали, не вырезали. Их просто не было, будто книгу изначально напечатали такой, ущербной. Я не знала, как объяснить или истолковать эту странность, однако почувствовала, что мне удалось обнаружить нечто важное.

На следующий день мы вчетвером отправились в библиотеку и заказали уже прочитанный мною экземпляр «Оцеолы», чтобы восстановить утерянный фрагмент. Устроились в креслах старшего отдела и по очереди прочитали все восемь глав. Они оказались скучнейшими. Рэндольф пронюхал, что Виргиния, его сестра, встречается с Ринггольдом – сыном того плантатора, который умер от ярости, пока порол своего раба. О возможном браке Виргинии с Ринггольдом судачила вся округа, и мать Рэндольфа радовалась за дочь, а сам Рэндольф был жутко недоволен. Дальше шли описания разномастных добровольцев, приводимых к присяге перед войной с индейцами, а Рэндольф не оставлял попыток вразумить Виргинию, ссорился с матерью и с облегчением узнал, что Виргиния лишь флиртует с Ринггольдом, чтобы выманить у него дом, некогда принадлежавший семье Оцеолы. В общем, как сказала Настя, страшная муть. И, кстати, это не первая женщина у Майн Рида, флиртовавшая с богатым белым мужчиной, чтобы выклянчить у него что-нибудь важное для сюжета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.